

Шора Бекмурзович Ногмов **«История атыхейского народа»**

Глава I. Сведения греков об адыхейском народе

1.1. Зюхи, керкеты, джихи и Джихетия. Происхождение слов адыге или адыхе, черкес. Пределы, в которых жили адыхейцы

Греки, занимавшие восточный берег Черного моря задолго до рождения Христова, передали сведения о наших предках, которых они называют вообще зюгами [1], а иногда керкетами [2]. Грузинские же летописцы именуют их джихами, а край называют Джихетиею [3]. Оба эти названия живо напоминают слово цуг, которое на нынешнем языке значит человек. Так: как известно, что все народы первоначально называли себя человеками, а своим соседям давали прозвание по какому-нибудь качеству или по местности, то и наши предки, жившие по берегу Черного моря, сделались известными своим соседям под названием человеков: циг, джиг, цух. Слово же керкет есть, вероятно, какое-нибудь прозвище, данное им соседними народами, а может быть и самими греками. Но настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. ант, изменившееся с течением времени в адыге или адыхе, причем, по свойству языка буква т изменилась в ди, с прибавлением слога хе, служащего в именах наращением множественного числа. Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним его произношением— атыхе; в некоторых же диалектах говорят просто атыхе. Чтобы еще более подкрепить мое мнение, я приведу свидетельство древней поэзии нашей, в которой народ всегда называется ант, например: антынокопьеш — антский княжеский сын, антигишао — антский юноша, антигиурк — антский дворянин, антигишу — антский всадник. Витязи или знаменитые вожди назывались нарт, это слово есть сокращенное н а р а н т и значит «глаз антов».

В подтверждение вышеизложенного приведу свидетельства древних греческих писателей, знавших многие подразделения или племена нашего народа под местными названиями, которые можно найти теперь на древних картах. Между прочим, на карте, составленной г-м Лапи, по сочинениям Птоломея и Плиния, на Кубани, ниже впадения в нее реки Лабы, поставлено по обе стороны Кубани слово Anticae. Страбон, писавший за 15 лет до Р. Х., называет р. Кубань — Антикитис [4]. Автор «Дербент-Наме» называет все племена, обитающие от Терека до восточного берега Черного моря, Джулианд. Сохранившиеся у нас предания утверждают (не означая эпохи), что этот народ обитал от р. Терека до рек Волги и Дона на север и, продолжая селиться по обе стороны Азовского моря, доходил до Крымских степей на западе [5]. К югу же он примыкал к Кавказским горам, которые в самых высочайших ущельях были обитаемы абадзехами.

Павел-диакон, путешествовавший на севере, нашел в 1-м столетии на Днепре антов [6]. Вероятно, что та: часть, которая обитала на западном берегу Азовского моря, подалась вверх по Днепру от приближения готов, начавших после Р. Х. свое обратное движение из Скандинавии на восток [7].

Таким образом, часть наших предков была оттеснена на запад в первых веках христианского летосчисления. Мне было бы крайне прискорбно, если бы некоторые, читая эти строки, видели в них желание породнить моих соотечественников с Россией. Они увидят из следующих преданий, что две повести, происшедшие собственно у нас, перенесены греческими историками к восточным славянским народам.

Среди группы работ, посвященных истории формирования терского казачества, его взаимоотношениям с северокавказскими народами, а также роли казачества в распространении «русского владычества» на Кавказе, особое место занимают работы П. Л. Юдина, в которых на основе названных архивных материалов, автор дает картину сотрудничества кабардинцев и кабардинской феодальной знати с терскими воеводами в распространении русского влияния в Притеречье и Дагестане. Что же касается до названия черкес, то, несмотря на то, что одни его производили от персидского языка, а другие от татарского, — думаю, что естественнее всего признать в нем древнее нарицательное имя керкет, которое греки часто употребляли для означения наших предков.

1.2 Народы, находившиеся в сношении с адыхейцами и имевшие влияние на образование их языка. Бергустан

Здесь нелишне будет переименовать все народы, которые были в сношении с нашими предками и даже посредством частых переселений, или, переходя в горы массами и присоединяясь к нашему народу, могли иметь большое влияние на состав и образование туземного языка. Кавказские анты, или адыхе, были завоеваны и служили аварцам [8]. До того, хотя и не долго, они были под властью Аттилы и служили в его войсках. Веру и многие искусства они заимствовали от греков, имея из них же и из латинцев епископов и священников. По истреблении Хазарского царства, существовавшего на Дону [9]., некоторые из этого народа нашли убежище между нами, что напоминает родовое прозвание некоторых урков. Фамилия Хазар еще существует у нас. Хотя остатки маджаров [10]., бежавших с берегов Кумы на Урал от завоеваний Ховарезмийского хана, ушли в Нагорный Дагестан, где они носят название андийцев, а другая часть у дигорцев, наших близких соседей, составляет дворянское сословие; но по преданиям известно, что некоторые из маджар соединились с нашими предками. Еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род; от сарматов и потому носят название шармат. Здесь кстати приведу одну старинную, сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких сношениях. Когда кто-нибудь в обществе много шутит и заставляет других смеяться, то ему говорят: «ты не черт и. не шармат, откуда же ты взялся?» Сверх того, колония коптов и арабов, переселенная на восточный берег Черного моря потомками Арабхана, хотя и смешалась с нашими предками, но, вероятно, имела сильное влияние на их язык, потому что ее князья получили власть и приняли добровольное подданство адыгов.

Из этого краткого обозрения явствует, что кавказские анты были под влиянием египтян и азиатских племен, посредством завоевания, колонизации и частного присоединения, что непременно способствовало к изменению языка. Не лишним будет исчислить здесь названия, под которыми были известны нашим предкам окружающие их народы: они называли греков — гирге и аллиг; Грецию — Аллиг; римлян и итальянцев вообще — рум; хазар — хаза и каза; Тмутараканское княжество — Таматаркаем, гуннов и впоследствии калмыков — тургутами, крымских киммериян — кимиргенами; турок — темигами; маджаров — гурт. В преданиях и песнях сохранилось еще имя, которое можно отнести к одному из готфских племен. Это слово уард или варда. Оно встречается в следующих выражениях: варде, варде— старые вардские дома; варде ходеш — подобно варду; уарде аеш хахуш — мужчина как вардская кость; варде сорейш — как вардский двор. Это сравнение с вардами имеет всегда смысл великого, сильного; могучего.

Все предания, сохранившиеся о народной жизни адыхов, можно отнести к трем главным периодам: I-й заключает в себе время, в продолжение которого адыхе находились под влиянием греков. II-й начинается от нашествия аваров, остановившего развитие просвещения и гражданственности в нашем народе, и, наконец, III-й — от пришествия потомков Арабхана и подчинения себе адыхейских племен. Все здания, оставшиеся в земле нынешних адыхе, без сомнения, должны быть отнесены к I-му периоду. В наших горах сохранилось много церквей, которых крестообразная форма доказывает греческое их происхождение. Два таких здания находятся в верховье Кубани. Между реками Кубанью и Тебердою стоят кирпичные дома; один из них называется шонна, а другой — хасамыва. Шонна есть испорченное слово от шуунне, что значит «дом всадников». И ныне еще можно видеть там каменные ясли и колоду. Хасамыва значит «камень заседания судей». Говорят, что вместо зеркала там имели камень с изображением конского копыта и собачьей лапы. Попреданию, там устроено было тесное отверстие, чрез которое надлежало проходить для испытания в невинности. Виновный, сколько бы ни был тонок, не мог пролезть, а невинный пролезал, хотя и с большим трудом.

Между Кубанью и Зеленчуком, на высотах стоят кирпичные здания, называемые адиух, в переводе: «дела предков». Там, по преданию, жили священнослужители.

Каменные здания за Кубанью, в верховьях Кефара и на реке Зеленчуке, которые называются эллигах-яунне; т. е. «дом эллигов», вероятно, были построены греками, торговавшими у адыгов, а может быть, были не что иное, как монастыри. На берегу реки Терека, выше соединения ее с рекой Малкой, находятся в большом числе башни или минареты. На кабардинском языке их называют жулат, сокращенное из жоритла ант, т. е. «часовня для подаяния доброхотных дателей». По преданию, они основаны нашими предками в древности и были посещаемы для очищения и принесения жертв. Если

между союзниками или друзьями случалась ссора или нарушение слова, то оба отправлялись к жулату с луком и стрелами. По прибытии туда, они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет; потом разламывали ее надвое и возвращались восвояси. Этот обряд называли жулат. Кабардинцы рассказывают, что когда Кодже-Бердыхан с татарами поселились под самим жулатом, то народ стал называть эти здания Татартуп, т. е. «под татарами». Когда же Кодже-Бердыхан со своей ордой удалился, то другой хан — Жанбек совершенно присвоил себе жулаты и обратил их в минареты. Но предание продолжало сохраняться в пословице; народ вместо клятвы говорил для утверждения своих слов: татартуп пенже-сен — «да буду в татартупе многожды!».

В Карачае есть здание, построение коего приписывается меотам; другое на Кубани, называемое синты — имя одного племени, которое древние географы помещали на Кубани. По преданиям известно, что на берегу р. Малки существовал город Малкана или Балх. Между реками Чегемом и Баксаном находится много следов древних укреплений, от которых остались рвы и валы. Некоторые из них так древни, что предание молчит о времени и именах их строителей. На правом берегу Подкумка стоит высокая стороной к реке; эта гора очень крута. С противоположной стороны примыкает к ней другая гора, ниже первой, посредством узкого перешейка; первая из них вверху опоясана скалой, которая тянется, не прерываясь кругом всей горы и похожа на искусственную стену. На стороне, обращенной к реке, эта скала просечена на одной сажени, где видна лестница, сделанная в камне, о шести ступенях, которые вели на вершину горы: на ней видны во многих местах груды обделанных камней. Там находили серебряные кресты, ложки и другие металлические вещи. Между прочим, найден большой железный крест, подобный тем, какие украшают главы русских церквей. Предание говорит, что тут был город, называвшийся Бергусант; этимология этого слова значит: «собрание многих антов». Русские его называют Бергустаном [11]. (Нарт-сана, вместо Нарвант-Псина, ныне Кисловодский колодезь; нар — значит — глаз; ант — народ антский; псина — колодезь). Вероятно, место это в древности принадлежало антам, нынешним адыгам. Нельзя с точностью определить время, когда анты обитали в этих местах, но ныне в преданиях и песнях часто упоминают об них; Нарт-сана зовется разными именованиями: первое Нарт-сана; второе — Санох (вместо Псина-ху) — значит «светлый или священный колодезь»; третье — Санох-фадде (вместо Псинах-фадде) — «священный колодезный напиток». Когда нарты или витязи желали напиться [12]. воды из этого колодезя, то все знатнейшие люди должны были собраться к старшему; затем, по древнему обычаю привязывали к дверям желтого быка для приношения жертвы: зажигали в комнате шесть светильников, начинали молиться по древнему обыкновению и, помолвившись, пели в честь рыцарского колодезя, говоря: «ноба нартыхе я псино-хой фесыи» [13], — т. е. «сегодня питье священной рыцарской воды».

Глава II. О быте древних адыхе

2.1. О физическом и нравственном их характере. Верховая езда. Щегольство оружия. Небрежность в наряде. Оклад лица. Древний образ ведения войны. Храбрость и трусость. Вооружение. Гостеприимство, покровительство и дружество. Целомудрие. Женитьба и свадебные обряды

Судя по дошедшим до нас преданиям, можно заключить, что древние адыхе одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью. Строгое воспитание приучало их твердо сносить сильный зной и горный холод и без ропота испытывать всевозможные лишения. Таков был древний адыхейский народ, по сказаниям старцев. Всем известна древняя поговорка: «нар ант лежеко», т. е. «трудолюбивый ант». И, действительно, адыхейцы были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений, частых побегов в горы, где они принуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены и от притеснений владельцев, а в позднейшие времена от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд нравы их совершенно изменились. Прежние хорошие качества исчезли; народ впал в беспечность, леность и во все происходящие от них пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету, заставляя довольствоваться самою грубою пищею и весьма худым жилищем. Упражнения в искусствах, принесенных греками и введенных под влиянием христианской веры, утрачены и забыты.

Адыхе удивляли соседей своею ловкостью и неутомимостью в верховой езде, красивой одеждой, искусством накидывать аркан; они соскакивали с лошади на самом быстром скаку и поднимали кольцо или монету; также искусно владели они и оружием, стреляли метко из лука и ловко метали копьем и дротиком. Дыныне щегольство оружием составляет главную нашу заботу, и владетель хорошего пистолета или отличной шашки: слывет за счастливого воина. Отцы наши полагали, что умение владеть оружием составляет главную обязанность каждого человека, что упражнение в этом искусстве придает ему красоту стана, ловкость и проворство в движениях. Адыхе мало заботятся [1] о чистоте своей наружности, часто покрытые грязью и пылью, они являются в многочисленном собрании, где беспорядок одежды несколько не предосудителен. Все хвалят нашу стройность, высокий рост и мужественную осанку. Оклад лица часто сбивается на славянский, особенно в простом народе. Адыхе, отправляясь на войну, избирали вождей и сражались рассеянными конными или пешими толпами, следовали в своих действиях не общему плану, а мгновенному внушению предводителей, которые руководствовались отважностью и мужеством, не зная никогда благоразумной осторожности. Адыхе славились храбростью и безответным мужеством. Уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления и налагали пеню, которая определялась ценою в пару волов. Храбрейшие бросались в середину врагов и первым натиском опрокидывали их. От этого хан Байкан ставил всегда наших предков в передовом войске. Кроме природного мужества, адыхе отличались особенным искусством драться в ущельях, скрываться в кустарниках и лесах, лазить по стремнинам и непроходимым местам. Древнее вооружение состояло из копья, дротика, меча, стрелы и палицы. Оборонительное оружие заключалось в шлемах, латах и в больших, весьма тяжелых щитах. Храбрость рождает славлюбие; уверенность в себе дает человеку характер самостоятельный. Адыхе были великодушны и чужды низких страстей. Они гордились своею славой и воинскими подвигами. Вспомним прекрасный ответ Лавристана и других вождей на требование дани и покорности послами аварскими: «не дадим дани, доколе останется хоть один меч, доколе останется хоть один из нас в живых» [2].

Доблестные подвиги адыхов надолго сохранились в памяти кавказских племен и преимущественно у абазинцев [3], или правильнее оссов, с которыми они жили в мире и союзе. Предание повествует, что адыхе не знали ни лукавства, ни злобы и дорожили древней простотой нравов, соответствовавшей тогдашнему образу жизни. Пример этот находит даже и теперь много последователей.

Память прежнего гостеприимства сохранилась в преданиях о тогдашних нравах. Несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта добродетель не ослабела и ныне. Для нас всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное. Его встречают ласково, угощают радушно, дают ему лучшее ложе, провожают с благословением и передают для безопасности друг другу на руки. Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел сберечь гостя от беды, или даже простой неприятности, того судили и наказывали. Хозяин должен был, в случае надобности, жертвовать для гостя жизнью. В старину между адыхами мало было дурных людей, а о разбоях предания и вовсе не упоминают. Помогать бедным поставлялось всем в священную обязанность [4]. Просить помощи у соседа или у незнакомого не почиталось пороком.

Чужеземные купцы и ремесленники охотно посещали адыхов, потому что не опасались разбоя и воровства. Бедному переселенцу из чужих стран позволялось красть в течение шести или семи лет, для поправления своего состояния. Но по истечении срока, положенного обычаем, запрещалось прибегать к этому средству обогащения. Адыхе также славились своим целомудрием. Когда мужчина женился, то не приводил жены прямо в свой дом, а помещал ее на время у кого-нибудь из приятелей, которого называли тейшарисш, т. е. «кум», а по прошествии трех суток отводил ее в свой дом с разными обрядами, завершавшимися пиром. Голова и лицо молодой были покрыты нарядным платком, который в течение некоторого времени не снимался. Потом назначалась какая-либо особа для снятия с головы платка стрелюю, что исполнялось с возможной быстротой. Тот, на которого возлагалось исполнение этого обряда, назывался хитех, т. е. «сниматель». Когда молодая переходила в дом к мужу, то тесть должен был посылать в прислуги верного человека, которого называли жемхагасо, на целый год. По окончании срока он отпускался к тестю с подарком. В случае худого поведения молодой до свадьбы, муж имел право ее удалить, что ведется и по настоящее время. Мужья считают жен совершенными рабынями; во всяком случае, они должны оказывать во всем безусловное повиновение; им не только не позволяется противоречить, но даже произносить жалобы. По смерти мужа жена должна была посещать его могилу в течение сорока дней ежедневно и несколько времени там просиживать — что называлось кадес, т. е.

«надмогильное сидение». Ныне этот обряд не исполняется. Рабство жен, без сомнения, происходит от обычая, существующего и ныне,— платить отцам за невест скотом, лошадьми и вещами так называемую уасса, т. е. «калым».

2.2. Воспитание. Кровомщение. Уорки. Браки между простым народом. Постройка домов

Мальчики воспитывались у женщин до 7 лет; после того они поступали на руки к мужчине, которые обучали их владеть ножом и попадать им в цель. Когда они подрастали, то вместо ножа давали им для упражнения кинжал. За ним следовали лук и стрелы; таким образом, постепенно приучали их, по мере возмужалости и развития сил, владеть всяким оружием и ездить верхом. Девочкам с 7 лет зашивали талию в сафьян, чтобы придать ей более стройности. Их учили вышивать золотом и шелками, делать тесемки, галуны, шить платья. Когда же девушка выдавалась замуж, новобрачный разрезывал ножом шнур, которым зашит был сафьян, с возможной притом осторожностью, чтобы не захватить ни тела, ни сафьяна. Если он повредил одно или другое, то это вменялось ему в большое бесчестие. Молодая женщина по снятии этого корсета начинала полнеть с такой быстротой, что через несколько дней у нее грудь заметно развивалась. Все эти обычаи сохранились и доныне. Зашивание очень вредит здоровью, от него многие впадают в чахотку.

Дети князей или владельцев отдавались тотчас после рождения уорку или дворянину, который нередко еще за месяц добивался этой чести. До 7 лет воспитатель (бофхако) князька нянчил своего воспитанника (кана), напевая ему: «лелай, лелай, лелай, мой свет, вырастешь велик, будешь молодцом; отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня, старика» [5] и т. п. В 16 лет воспитатель одевал молодого князя как можно лучше, снаряжал ему хорошего коня, снабжал богатейшим оружием и отвозил в отцовский дом, в который до того сын не мог ездить; при этом возвращении соблюдалось множество обрядов. Отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже холопами и потом отпускал с честью домой. Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания. Особы женского пола из княжеского рода воспитывались также в чужих домах и ездили к своим только для свидания. Калым отдавался аталыкам.

Адыхе стыдились забывать обиды или оскорбления и старались за них мстить. В случае убийства или нанесения раны, обиженные искали случая и средства отомстить не только виновному, но и всему его роду. Дети и родственники мстили кровью за кровь. Виновный мог, однако же, прекратить родовое кровомщение, украв сам или при содействии другого лица из семьи обиженного дитя мужского пола, воспитав его со всем рачением, как сына, и потом, наградив его лошадью, оружием и одеждой, доставить его с большой церемонией обратно. В этом случае мальчика называли тлечежипкан, т. е. «за кровь воспитанный». Некоторые утверждают, что в древности дворяне или уорки были гораздо образованнее простых людей и мягче нравами. Старцы были уважаемы молодыми людьми, которые не смели им противоречить и даже при них садиться. Хорошее поведение считалось лучшим украшением жен; чистота брака почиталась священной обязанностью. Простой народ, более дикий, не знал браков, основанных на согласии родителей и супругов, и имел в обыкновении тайно похищать жен и девиц. Молодые люди обоюбого пола сходились на игрища в селениях. Мужчины выбирали невест и без всякого обряда соглашались жить вместе. Обстоятельство это подтверждается названием наших родовых холопов: тльхо кошао, т. е. «человек, неправильно рожденный, юноша, тайно рожденный». Ныне названия хамуко — «сын гумна» и ххамуко — «сын собаки» указывают на происхождение низшего класса [6].

Из множества племен адыхов, живущих за Кубанью, кяхе, или нынешние шапсуги [7], обитали в горных ущельях или в глубине лесов, которые защищали их от неприятеля и представляли удобства для звериной ловли. Они строили хижины в диких и уединенных местах, среди непроходимых болот, так что трудно было путешествовать в их земле без вожатого. Убежища эти служили им оградой от беспрестанно ожидаемого врага. Они брали еще другие предосторожности: делали в жилищах разные выходы, чтобы в случае нападения иметь возможность скорее спастись бегством. Имущество, лучшие вещи и хлеб скрывали в пещерах или глубоких ямах; скот угоняли в леса. Кабардинцы же строились преимущественно на равнинах и только частью в ущельях. Селения обрывали канавой и делали кругом завалы, подобные нынешним полевым укреплениям. Издревле имели привычку располагать дома четверугольником, так что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота. Кунакские дома для гостей находились в недалеком от жилья расстоянии. Жилща черного народа, уоркские и княжеские, строились

отдельно одно от другого. По многим уцелевшим следам можно заключить, что адыхе имели крепости, в которых защищались от нападения врагов.

2.3. Хлебопашество. Пчеловодство. Скотоводство. Меновая торговля. Костюм мужской и женский. Музыка и музыкальные инструменты. Танец. Стихотворцы

Адыхе издревле занимались хлебопашеством и сеяли просо, ячмень, полбу, кукурузу и огородные овощи: лук, чеснок, редьку, свеклу и пр.; на нашем языке есть названия всех хлебов, исключая сарачинского пшена. Хозяин не мог располагать сжатым и убраным хлебом, до совершения установленной для сего молитвы. По совершении же ее, из нового хлеба приготавлился обед, на который созывались ближайшие родственники. После этого пира, называемого хама умухо, можно было продавать, отдавать в ссуду или раздавать милостыню из нового хлеба. Они также имели хорошее пчеловодство, конские табуны, рогатый скот, коз и овец; но особенное внимание было обращено на разведение хороших лошадей. В древние времена не знали употребления монеты, а торговая мена производилась на хлеб, скот, одежду и прочие вещи.

Одежда мужчин походила на нынешнюю черкеску, но шилась с разрезными рукавами. Употреблялись башлыки, панчохи, ноговицы, бурки из овечьей шерсти, чувяки, шапки и шубы; легкие-бешметы, стеганные на бумаге. Женская одежда состояла в длинной сорочке из кисеи или бязи и шелкового стеганого бешмета, который шился иногда длинным, иногда коротким, как у мужчин. На головах девушки и молодые женщины носили шапки с небольшим околышем из смушек. С замужних женщин шапка снимается свекром после первых родов, и голова повязывается косынкой; при этом случае он обязан дарить сыновний дом скотом и другими предметами, по своему состоянию. Пожилые женщины носили на голове белые косынки: из бумажных материй.

Музыка была в большом употреблении на праздниках, свадьбах и на пирах, которые давали при рождении детей. Употребительные инструменты были: балалайка, скрипка, род цимбала о двенадцати струнах и дудка. Схватясь руками, мужчины с девушками составляли круг, и потом одна пара выходила плясать на середину круга, где становились музыканты. Танец этот не имеет себе подобного у прочих азиатцев. На праздниках молодые люди выезжают верхом для ристания; делают маневры [8], в которых конные стараются прорваться в круг пеших, вооруженных палками.

Сочинители стихов и песен назывались гекуоками, они были люди неграмотные и простого звания, но одаренные поэтическим воображением. Гекуоки и трубачи (кирапеш или сринапшо), которые на войну ездили всегда на серых конях, должны были сочинять стихи или речи для одушевления воинов перед сражением. Становясь пред войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги. По принятии магометанской веры гекуоки исчезли, но память о них сохранилась вместе с их творениями, и предание говорит, что они были вообще любимы, а песни их приносили много удовольствия и пользы. Хотя народ не знал грамоты, но подобно европейским народам умел считать время.

2.4. Счисление времени. Древний образ правления. Звание князя. Препятствия к просвещению. Начало построения крепостей. Свидетельства о древнем искусстве адыхов. Их верования

Некоторые названия дней ясно доказывают, что это счисление заимствовано у греков. Год делился на 12 месяцев и назывался итляс; месяц — маза, неделя — тхамахо. Дни носят следующие наименования [9]: понедельник — ближха; вторник — убис; среда — борежия, четверг — махако; пятница — мареим, т. е. «Марьян день»; суббота — шабат; воскресенье — тхамахо, т. е. «божий день». Названия месяцев следующие [10]: январь — тчихахок-маза, т. е. «сильный холод», февраль — шемахок-маза, т. е. «последний месяц зимы», март — гатхепе-маза, т. е. «первый весенний», апрель — мальхоо-маза — «бараний мор», май — вогуохо-маза — «пахотный месяц», июнь — гомахопе-маза — первый летний месяц, июль — гомахок-маза — середина лета, август — макоого-маза — «сенокосный месяц», сентябрь — гогиго-маза — «месяц уборки хлеба или рева зверей», октябрь — ого-маза — «молотьба хлеба», ноябрь — мокшежуго-маза, т. е. «в который перевозят сено домой», декабрь — тчихахопе-маза, т. е. «первый

зимний». Столетие называлось тлинибж[11], т. е. «век жизни человеческой», что свидетельствует о долговечности наших предков.

Народ наш не имел гражданского устройства и, не зная выгод правительства сильного, не терпел неограниченных владетелей в земле своей и думал, что лучшее благо для человека есть дикая и необузданная свобода. Но в семействе старший имел власть неограниченную: отец над детьми, муж над женой, брат над сестрой. Всякий избирал место жительства и строился где хотел. Но общий древний обычай служил между ними общественной связью. В важных случаях единоплеменные сходились для совещаний, и народ уважал приговор старцев. С общего согласия предпринимали воинские походы, избирали вождей; но, будучи привязаны к независимости, весьма ограничивали их власть и часто не повиновались им даже во время самих битв. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий считал себя господином и владыкой в своей хижине. С течением времени завелся для совещания некоторый порядок в общем собрании. Всякое предложение владельцев было рассматриваемо несколькими старшинами, которые съезжались по приглашению в назначенное место. Потом владельцы и старшины предлагали дело общему собранию уорков и вместе с ними рассматривали его. Уорки почти всегда были согласны с мнением владельцев, у которых они были в зависимости. Наконец дело вносилось в народное собрание, в котором участвовали все подданные владельцев. Согласие простого народа решало законодательное положение. Народу предоставлялось принять или отвергнуть предложение владельцев, хотя бы на это были согласны уорки. Словесное изречение народного приговора имело силу закона. Князья имели в своих руках исполнительную власть, держа для исполнения повелений класс уорков, которые должны были на общих собраниях склонять народ к принятию предложений владельцев.

Князья не имели собственности: все принадлежало народу, но уорки имели собственность. Звание князя почиталось столь священным для адыхов, что всякий подданный считался обязанным для защиты владельца жертвовать не только имуществом, но и жизнью. Князья издревле назывались покровителями и защитниками народа, каждый из них имел более или менее зависящих от него подвластных. Их называли пьши, что на нашем языке значит «выше».

Владельцы обращаются с уорками и народом просто, без гордости и надменности. Сильнейший и богатейший владелец живет в такой же хижине, как и последний уорк; пища состоит из вареного пшена и куска баранины. Для питья употребляют бузу, которая у богатых подслащивается медом. Владелец, не имея ничего собственного, получает все продовольствие от подчиненных. Пользуясь этим правом, он берет все без платы или какого-либо вознаграждения, за что владелец в свою очередь не должен ни в чем отказывать подданному, который пользуется еще правом всегда взойти к своему господину и разделить его трапезу. Если уорк увидит на владельце хорошее платье, шапку или другое и пожелает иметь эту вещь, то владелец не в праве ему в том отказать. Это обыкновение с первого взгляда должно бы вознаграждать народ за право, которое имеют владельцы на его собственность; но алчность есть порок бедных, а корыстолюбие в богатых не имеет предела. Владельцы из опасения разориться одеваются весьма бедно. Часто случается, встречая князя вместе с уорком, принять последнего за князя, а первого за простолюдина.

Древние адыхе не уступали другим народам в честности, добронравии и гостеприимстве; и нет сомнения [12], что только губительное нашествие аваров и причиненное ими разорение помешало возникавшему просвещению, перенесенному из Греции, и ввергло народ во мрак невежества и варварства. Не имея денег, они брали золото и серебро единственно как товар. В это же время начали строить небольшие крепости с рвами и валом для защиты края от набегов неприятных народов. Имея некоторое понятие об искусствах, они вырабатывали из собственного железа и меди котлы, топоры, ножи, сошники, косы и серпы.

Также они были искусны и в делании всякого оборонительного и наступательного оружия из стали. Уцелевшие древние надгробные монументы из камня, с изображением витязей в шлемах с мечами, щитами и прочим вооружением и гладкие каменные плиты с выпуклым изображением рук, копыт, мечей, щитов и других фигур могут служить свидетельством об искусстве наших предков в ваянии.

Адыхе приписывали все случаи человеческой жизни воле всевышнего существа, миротворителя. Поэтому на поле ратном, в болезнях и во всех важных случаях старались умиловить его молитвами, обетами, принося ему в жертву волов и других животных. Осенью первый день после уборки хлеба праздновался с большим торжеством. Сперва читали молитву, называемую тхашхогуж[13], что значило «прибегать к великому богу». В этой молитве просили всевышнего даровать им здоровье и воссылали

благодарение за прошедшее лето, за сотворение хлеба и плодов земных и пр.; после молитвы пировали и веселились.

Адыгейский язык [14] отличается от всех европейских и азиатских языков особенным построением. Кабардинское и бесленеевское наречия самые чистые; на этих наречиях сохранились песни, повествующие о делах минувших времен. Справедливость требует упомянуть, что хотя наш язык не сходствует с европейскими, но найдется и в нем несколько слов греческих, латинских и славянских.

Глава III. Введение христианской веры между адыгейцами

3.1. Память о Юстиниане. Построение храмов в земле адыгов. Рукописное евангелие узденя Исмаила Шогенова. Распространение между адыгейцами ислама. Созирокко и Озирмег

Греческий император Юстиниан, по сказанию старцев, Юстин или Юстук, был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем. С помощью наших предков он одолел врагов империи. Так, между прочим, особенно сохранилась память о победе, одержанной над готами и их союзниками. После того Юстиниан обратил милостивое внимание на адыгов и стал прилагать старание к обращению их в христианство. Адыге приняли его от греков без сопротивления, что и послужило к сближению этих двух народов. Имя Юстиниана было в таком уважении между адыгами, что, для подтверждения своих слов, народ клялся юстиниановым столом и юстиниановым тронем Юстиниана значит «юстинов стол»; шот Юстук — «юстинианово седалище». В древности наш народ никогда не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека.

Под влиянием союза с Юстинианом, греческое духовенство, проникши в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. К этой эпохе относят построение храмов божиих в нашей земле. Священник назывался у нас шогень; епископ — шехник [1]. Предание сохранило даже название места, где обитал первый епископ, пришедший из Греции; оно находится в четырех верстах от крепости Налчика и называется «Лесистый курган». И теперь этот курган очень высок. Вот песня, в которой упоминается о нем и прославляется епископ, там обитавший:

«Шехник наш защитник и воспитатель, шехник наш свет. Воспитатель рассуждал о законе божием с вершины лесистого кургана.

И на лесистом кургане сковал ему дом из жести с дверьми из литого серебра и там-то обитал светлый божий дух.

И ангелы беседовали с мудрым старцем. Свет от бороды его уподоблялся свету факела.

Он парит в воздухе, как земная птица, подымается под облака и видит творящих беззакония.

Ребро его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крест сияет на его груди».

Христианская вера процветала в Кавказских горах, будучи поддерживаема греческим духовенством, заменявшим [2] убылых присылкой новых епископов и священников. От них произошли многие дворянские роды, которые говорят, что они происходят от шогеня Гирге или от шогеня Рум, так как не все духовные были из греков, но некоторые были и из латин. Христианская вера ослабела после падения Греческой империи, потому что уже некому было посылать новых епископов на места прежних. Окончательно она уничтожена в 1717 году. По приказанию турецкого султана, крымские ханы Девлет-Гирей и Хаз-Гирей распространяли магометанскую веру огнем и мечом. В эту эпоху многие шогены были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены с презрением, отчего произошла следующая поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы» [3].

В подтверждение вышесказанного можно присовокупить еще следующие факты. Уздень Ислгаши Шогенов имел в своем доме рукописную книгу, которая принадлежала его предкам, переходила по наследству от отца к сыну в его семействе. Он был последний из умевших читать ее и скончался в 1830 году, в глубокой старости. Господин академик Шёгрэн, которому я посылал несколько листов из этой книги, утверждал, что она писана на греческом языке и что посланные ему листы заключали в себе начало евангелия. Может быть, уцелело еще несколько подобных книг, но страх, наводимый мусульманским духовенством, заставляет их скрывать. Я уже упомянул, где и какие в горах существуют древние церкви. К сказанному прибавлю, что при рытье рвов для сооружения русских крепостей находили в земле медные распятия и в глиняных черепках уголья и ладан.

Следы христианства еще очень свежи в памяти народной: теперь еще говорят о том, что предки почитали за пророка Аус Герга, т. е. «греческого Иисуса»; пророка Илью называют Яллия; Моисея — Аймыс или Аймым; царя Давида—Тляпш; всевышнее существо — Псатха и Тха.

Помнят еще и теперь, что весной воздерживались некоторое время от мяса. Великий пост называли ба-разгышхо, а маленькие посты — баразгожие [4]; что в апреле месяце бывал большой праздник, пекли особенной формы хлеб с изображением трех лиц, называемый дугулюбх [5]; что тут же ели яйца и сыр, называемые тих. Это слово есть испорченное «пасха». Также помнят, что если ставился возле дома или сада крест, то никто не осмеливался входить в дом или срывать что-либо в саду.

Несмотря на христианскую веру, на возникающее просвещение, на водворение искусств и художеств и на сношения с образованными греками, адыхе продолжали гордиться дикими нравами своих предков. Надеясь на свое мужество, силу и многочисленность и не страшась никакого врага, они пропустили время, которое им даровала судьба для принятия гражданской образованности. «Могущественный случай был потерян».— говорит один древний гекуоко в своих стихах: «хорошо быть диким, но не всегда; гордись, если никогда не отчаиваешься, храбрись, если просвещение содействует мужеству,— хай, хай, не хорошо и не всегда приятно быть самовольным и свободным». К несчастью, в нашем народе природная гордость предков не исчезает и теперь.

Предание сохранило в памяти народной имена князей, вождей и знаменитых витязей, прославившихся в глубокой древности; они суть следующие: 1) Аллиг, 2) Лабца, 3) Юстин или Юстук, 4) Созироко, 5) Озирмег, 6) Ирихашау; 7) Канже и сын его, 8) Шауе, 9) Аша и сын его, 10) Ашемез, 11) Химаш и сын его, 12) Батираз, 13) Ольбек и сын его, 14) Татараш, 15) Насиранжака, 16) Женд ужака, 17) Имис, 18) И сим, 19) Малх, 20) Дао и сын его, 21) Баксиен.

Три первых имени, вероятно, означают греческих героев, а четвертое имя: Созироко или Косирих — Кесаря. Про это существует множество преданий; кажется, что под этим именем предание и песни говорят не об одном человеке, а о нескольких. Одни говорят, что Созироко рожден в камне; другие, что он вырезан из чрева умершей матери; вообще же он слывет побочным сыном. Слово Кесарих значит на нашем языке «выпорок из матери», что напоминает имя Юлия Цезаря и прозвище, данное ему по образу рождения. В песнях это имя часто упоминается и, между прочим, в них сказано, что Созироко воспитан адыхским витязем Озирмегом и приобрел великую славу в воинских упражнениях. Вот как гекуоко прославляет его в одной песне:

Наръантах я Созироко а Созирико фтея атлипца гутеина аемина шуй Созирикур сикан сосори кории сынах [6], т. е. «Кесарь мой, Кесарь мой и защитник, Кесарь мой светлый, лицо твое смугло, грозны твои очи, страшный ты наездник, когда сядешь на коня». Наконец он сделался, как говорят, царем римским, но адыхе не повиновались ему, за что Кесарь разгневался: но народ наш отвечал ему: длепеке рехьго джемухоротлых мивдх хекикго, кизь хехирь ямитеж сит шха фнико кора [7], т. е. «кривая нога Пастухова сына, выращенного в белом камне, зачем притесняет?». Слова эти были причиной продолжительных распрей и войны, в которых Кесарь не мог покорить наших предков. Это происшествие породило существующую еще ныне пословицу: атыхема сосарь арагаш, т. е. «и Кесарь набил оскомину от адыхов» [8].

Очевидно, что тут смешаны различные лица и времена. История рождения Юлия Цезаря перешла к нашему народу вместе с названием его и породила предание, в котором это рождение приписано какому-то витязю из адыхов, сделавшемуся впоследствии римским императором. Вспомним, что после Константина Великого престол был занят несколькими государями из варваров, и нет сомнения [9], что к одному из них относится предание о воспитаннике Озирмега.

3.2. Повесть о Баксане. Плач сестры Баксана о его смерти

Повесть о Баксане, сыне Дауове.

Предание повествует, что в половине IV столетия на реке Баксане [10] жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества. Говорят, что он был убит готфским царем со всеми своими братьями и восьмидесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянью: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на

голове, говоря: хадеш, хадеш, Дауй куир хада мугосш Дауи укуир уии дау икуии [11], т. е. «убиты, убиты Дауовы восемь сыновей, увы! Дауовы восемь сыновей».

Следующий обычай сохранился в Кабарде до настоящего времени. Весной, около половины апреля, молодые девушки с распущенными волосами поют эти слова, составивши хоровод. Предание говорит, что сестра убитых Дауовых сыновей собрала их трупы и похоронила с честью на берегу Этоко [12], где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне. Он поставлен на кургане, вытесан из цельного камня и имеет вышину в 4 аршина от земли. Народ называет этот памятник «Дуукоха ясиен» [13], вместо «Дауко Баксан», т. е. «Дауов сын Баксан». Осталась песня, которую, говорят, сочинила сестра Баксана. Вот она:

«Геройство Баксана освещает антский народ своими доблестями. Хоара сжимает ногами антский воин, и где бы он ни ездил, конь без вреда привозит его домой.

О родина Дауова Баксана, хотя он уже не существует, но когда будет добывать тебя Гут, не покоряйся.

Сонм нартов, отводя щитами удары вражеских копий, единодушно призывал Бога на помощь; но Баксану не удалось участвовать в этой молитве.

Весь народ почитал его за благого духа; когда начиналось сражение и удары блистали как молния,— его присутствие поселяло в антском народе уверенность.

Гутские истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину.

Собрав греков, я предложила им сделать памятник. Хотя каменный образ ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце. Народ не покидает траура и, чтоб его увековечить, реку Альтуд назвал Баксаном».

Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой. Застегнут он четырьмя четверугольными застежками и подпоясан кожаным узким поясом, прошитым посередине ниже лифа; платье идет складками. Ноги не сделаны, но нижняя часть представляет столб с греческой надписью на передней стороне и множеством фигур, представляющих людей на охоте за зверями, воинские игры пеших и конных людей и с правой стороны колчан с стрелами, ниже пояса статуи, а с левой — сабля с рукояткой наподобие грузинской и лук в футляре. В этой греческой надписи можно многое разобрать и между прочим имя Баксана, а в конце год, который показывает, что он воздвигнут в IV столетии [14]. воспитаннике Озирмего.

3.3. Анты, гунны и Аттила

История сего времени упоминает об антах, которые, по известиям Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Венитер, наследник Германриха, царя Готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семидесятью знатнейшими боярами. Царь гуннов, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Венитера, освободил их от ига готфов [15].

Разность между изуственным преданием и историей весьма незначительна. Боксо то же, что Баксан, но с греческим окончанием. Одна лишь разница в месте жительства антов довольно значительна; вместо севера этот народ жил на восток от Черного моря. Впрочем, истина предания подтверждается играми простого народа, бывающими ныне в ту пору, когда в старину праздновалась тризна по убитым; самая песня очень замечательна по своим подробностям, и, наконец, Мотрисит, который мнение народное относит к этому преданию, несомненно, доказывает тождество исторических известий с преданием. В следующей главе этот вопрос об антах и о местах их жительства будет разъяснен еще более.

К этому периоду народной жизни адыгов надлежит отнести сохранившиеся в песнях известия о нашествии и сношениях с Аттилой, которого по свойству нашего языка предание именует Адилем. В одной песне имя его упомянуто с эпитетом «бича божия», которое ему придали современники. Тхама ивергае бгихерий кохерии дярий ивижъма дыкапухашъ [16], т. е. «Господь бог помиловал нас, горы и ущелья наши; бич небесный отступил от них благополучно». С того времени народ называет Шад-гору Ошхемахо, т. е. «счастливой», потому что он, дойдя до нее, удалился от наших пределов. Хотя предание не оставило никаких сказаний о великом завоевателе, но можно утвердительно сказать, что адыге были им покорены и признавали над собою его власть. Песни упоминают, что они служили в его войске. Мадька

дынаръ антъшухер Адиль и дзема задиг-ко фназадиожа ежаг-херсь шхуримукке деры дохоха-зир [17], т. е. «отборная наша конница отправилась к Аттиле с охотой. Если же этого недостаточно, то приготовимся ехать и мы». Зжебкехяма вогошхо ледхер, Адиль и дзима кахалидик хер, зидикье задесши блаосш хахо-го ди нарант шувфхер [18]., т. е. «по большим горам, как блестящие звезды, стекаются к Аттиле воины наши, наносящие удары, подобные ударам грома».[19]. В те времена, когда готфы занимали окрестности Азовского моря, случилось в земле адыгов происшествие, о котором читатели узнают из следующей главы.

Глава IV. Предания.

4.1. Поход адыхов с Байканом в Дербент и Гуртат. Историческое известие из истории Карамзина об этих происшествиях

В начале VI века [1] адыхейцы жили несколько времени спокойно и сохраняли первобытную независимость и грубость нравов, несмотря на влияние Греческой империи и христианской веры, как вдруг прошел в их земле слух, что аварский хан Байкан с многочисленным войском опустошил многие владения Греческой империи, а в том числе и самый Аллиг, т. е. Грецию. Очередь доходила и до нашего народа. Хан Байкан потребовал от него через своих послов подданства. Но князь Лавристан и другие вожди адыхейские не хотели исполнить желание хана и отвечали его послам гордыми и неприятными речами. Послы хана стали поддерживать достоинство своего повелителя; от переговоров возгорелась между ними и князьями ссора, и послы заплатили жизнью за свою дерзость. Хан не мог простить жестокого оскорбления, нанесенного ему в лице его послов. Он собрал огромное войско, вступил от берега Черного моря в землю адыхов и завладел ею до реки Баксана. Преимущественно месть его устремлялась на князя Лавристана и других вождей. Не отыскав его, он опустошил его отечество, ограбил селения, сжег поля и истребил много жителей. Бедный народ, облитый кровью, без крова и без пропитания, искал спасения в горах, пещерах и дремучих лесах. Предание упоминает, что страх, наведенный жестокостью аваров, был столь велик, что адыхейцы, скрываясь от врагов, не смели проводить двух ночей сряду в одном месте. Народонаселение уменьшилось, селения и пашни запустели, и с этого времени начался упадок адыхского или антского иарода, дотоле жившего в независимости. На этот случай сложена следующая песня:

«Спаситель и помощник наш, могущественный Илия! Из огромных туч неотразимой дланью уничтожь коня Байканова, белизной подобного нетающим снегам горных хребтов наших.

Что же осталось нам теперь, в день гибельной тревоги? Страх мертвит души, шум кровопролитных битв отгоняет сон и спокойствие.

Гонимые старцы и дети ищут убежища вдали от родных пепелищ своих. Ужасная неизвестность умножает их горесть. Слезы их льются подобно источникам, которые питают горные воды».

Это нашествие породило два изречения, употребляемые и теперь в народе: Байкан хадах тлаго [2], т. е. «Байканов смертоносный путь». Доныне дороги, ведущие от берегов Черного моря через горные ущелья до реки Кубани, называются хадетлаго, т. е. «смертоносные пути».

И ныне при виде красивой белой лошади говорят: Байкан ибшагоаллер, т. е. «Байканов белый конь». Между крепостями Анапою и Сунжук-кале находятся складенные наподобие бугра камни: народ их называет Байкан ибшагоаллер, т. е. «Байканов белый конь».

Аварский хан Байкан силой оружия и лъстивыми обещаниями покорил адыхов; он взял у них лучших воинов и повел их на завоевание земель, лежащих около Каспийского моря. Несколько лет продолжалась война; крепости Дербент и Гуртат на Куре (которой следы еще и теперь видны) были покорены. В Дербенте войско наших предков получило богатую добычу и в том числе множество шлемов. По преданиям известно, что войско адыхов потеряло более двух третей своих воинов, и хотя воротилось обремененное добычей, но вместе с тем оплакивало смерть своих павших братьев. На этот случай один гекуоко сочинил прилагаемую здесь песню:

«Запылала каменная крепость Гуртаты, как бы зажженная огнем молний, и огромные камни, закопченные дымом, валились подобно падающему с неба снегу.

Но витязь наш, неустрашимый Олгико, смело приблизился к раскаленным стенам и никого не допускает Хатошуку опередить себя.

Могучий Шератлоко, которого десница низлагает двух человек разом, упражняется в мщении за пролитую кровь братьев. Устремляясь на врагов, он помнит, что отец его смотрит с неба на подвиги сына; но никто не поддерживает его усилий.

Юный Хошов давно бы кинулся им на помощь, но старцы, жалея мать его, княгиню Шамиху, которая, сидя дома, вздыхает и пламенно желает его видеть, стараются удержать его. Несмотря на это, он приблизился к врагам и наносит им смерть острыми стрелами. Вот уже три колчана истощены им. Всадники наши, громившие Дербент, украшаются блестящими шлемами: но всех лучше и богаче шлем князя Гугова. Ислам с дедовского лука пускает на врагов меткие стрелы, которые с ужасным свистом поражают многих смертью.

Доблестный Муко Дижинуко Падисов убит под гордо развевающимся ханским знаменем. Рука его схватила уже древко, но вражий меч поверг его мертвым на землю. А ханские куруны, надломившие копьё от жестоких ударов, пылают желанием отмстить за его гибель.

Витязь наш Джаним Догов, отраженный неприятелем, опять возвращается к сече, а великан Татаршао Паков, истребляя врагов направо и налево, мечом пролагает себе путь. Аллежева тигилия обогрена кровью, прорвана копьем и изрублена мечами.

Персидские шлемы валяются разбитые между пнями, и смуглый Болат Готов, спешившись, уже взошел на разрушенную стену вместе с штурмующими».

Теперь для проверки предания приведем историческое известие о тех же самых происшествиях, находящееся в истории Карамзина и почерпнутое им из греческих летописцев:

«Смирив антов, хан требовал от славян подданства, но Лавритас и другие вожди их отвечали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам: так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с 60 тысячами отборных конных латников, начал грабить селения, жечь поля, убивать жителей, которые только в бегстве и густоте лесов искали спасения. С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дахией [3]. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чужую для пользы их тирана, должныствовали первые гибнуть в битвах».

Предание во всем сходно с историей. Но повесть о Лавритасе, кажется, перенесена несправедливо к славянам европейским, которые смешаны в повествовании с кавказскими антами. Те и другие были покорены аварским ханом. Но подробность и верность предания насчет местности относительно пути, по которому следовал хан аварский, вступивший в землю антов, от берега Черного моря, наименование дорог от этого моря до р. Кубани смертоносными Байкановыми путями, наконец, верность в именах, приведенных в этом сказании, сохранившаяся чрез многие столетия, не позволяют сомневаться в достоверности предания. Летописи называют аварского хана Баяном; предание именует его Байканом; имя Лавристан более походит на греческое, нежели на славянское, как заметил Карамзин. Но имя Лавристан есть антское по окончанию, которое напоминает название народа и многие другие древние наименования урочищ, в которых оно находится, как-то: Баксан, Нарсан, Баргустан; имена князей также заключали в себе в древности этот слог, напр.: Антинокопш, Нартинокопш. Кажется, что без излишней самонадеянности можно сказать, что предание может пояснить исторические сведения, оставшиеся у греков о двух народах, которые по их известиям считались соплеменниками. Вспомним только, что Святослава и его войско греки приняли за скифов. Обе песни также могут служить драгоценным документом: в первой описывается покорение антов; во второй — завоевание двух больших городов в Азии и война с персиянами.

4.2. Предание о сватовстве князя Лавристана. Его смерть

Предание о сватовстве Лавристана.

Знаменитый Лавристан происходил от славного адыгского рыцаря Хамиша. Он задумал жениться, и выбор его пал на дочь Коготлуко, по имени Малякибох; она отвечала на предложение: «Знаменитый князь Лавристан Хамишович, если ты хочешь взять меня в замужество, то позволь мне самой назначить за себя

уасса (калым); если ты его взнесешь, то я готова быть твоей женой; если же не пожелаешь выполнить мое предложение, то не ищи моего согласия». Лавристан согласился и требовал объявления уассы.

Она сказала: Мидера дакагосыиа шигини шхумер цпа шхого мисиришер обха бго афисьшем далихер аунасышхаго ахер ми-па уассем [4], т. е. «Сто человек мидийского и дакского племени, сто одежд из светло-синего сукна, сто сирийских налокотников, сто кольчуг с золотыми гвоздиками,— вот мой уасса». Лавристан исполнил ее требование и взял ее в жены. Некоторые говорят, что Лавристан убит в сражении с войсками хана Байкана; другие, напротив, что он скрылся во время нашествия аваров. Те, которые утверждают первое мнение, говорят, что он похоронен под Бештовой горой. Как бы то ни было, но предание сохранило слова, произнесенные его женой после его смерти: ах инти птла ухти, тлухити тчика фата камиген лулети темсуген мя илумекти Гойка вышитчи гарты уруська киши чакежирт [5], т. е. «высок рост его, широки плечи, осанка мужественна. Он вошел в Русь и воротился через горы. Стан его уподоблялся кимирианскому чубуку».

В этом предании любопытно, что имена народов, далеко живших от Кавказских гор, были известны нашим предкам. Между прочим, замечательно, что жена Лавристана говорит про Русь. Русское царство, основанное в Новгороде Рюриком, тогда еще не существовало.

4.3. Нашествие Китай-Хана на КАбарду. Песня

Китай-хан, победив многие народы, дошел до границ адыхов. Слухи о его победах и известие о направлении его войска уже распространились в нашем народе. Он немедленно начал собирать свои силы для отражения этого нашествия. Хан же прислал посла, который объявил следующее: «Напрасно вы, адыхе, тревожитесь: я хочу быть вашим другом, а не врагом; я только желал с вами видиться, ибо давно наслышан о силе и храбрости вашего народа; я приготовил для испытания вашей силы самого лучшего из своих борцов; приятно будет, если вы изберете с вашей стороны достойного ему противника. Я предлагаю условием этого единоборства, чтоб народ побежденного служил народу победителя». Адыхейцы согласились на предложение и назначили срок для представления борцов с обеих сторон. Они выбрали женщину из черного народа, по имени Лашинкай, искусно переодели ее в мужское платье и отправили к Китай-хану для состязания в борьбе. Когда все было готово, хан приказал начать борьбу; она продолжалась около часу, и ханский борец был побежден. Хан приметно изменился в лице, но не показал своего гнева. Тогда адыхейцы открыли ему шутку, что борец их — женщина, и предложили ему вновь испытать силу своих борцов с мужчинами. «Лучшего моего борца, отвечал он, поборола ваша женщина, но я должен выполнить предложенные мною условия, отблагодарив князей и подарив им семь рабов». Он простился с народом и отправился восвояси.

К этому случаю относится следующая песня:

«Кайсын был храбрый витязь, доблестный боец, которого страшились многочисленные толпы; но сила жены Лашинкай превзошла его славою.

Напрасно Кайсын исправлял тугой лук свой, снабжал колчан стрелами острыми, напрасно холил доброго коня, даром кормил ты его; напрасна чистил латы свои, блеском затмевающие зрение. Уже поздно! Лашинкай низвергнула дерзновенно-го борца Китай-хана.

Взгляните на гордость и торжество наше, смотрите, как адыхе выступают с добычей и подарками. Их можно уподобить богатой прибылью, приобретенной старательным купцом от своего товара».

Место состязания в борьбе адыхов и Китай-хана указывают на реке Чегеме [6], несколько выше Чегемского укрепления. Оно и ныне носит название Латинская.

Хотя это происшествие и следовало бы отнести к XIII столетию, но я предпочел заключить им изустные предания.

Глава V.

5.1. Хан Ларун и его сыновья: Черкес и Бикес. Возмущение коптов. Султан Исгак, поход в Сирию. Покровительство греческого императора. Кес, распространение его власти над адыхейскими племенами. Набеги на хазар и Тамтаракану.

Здесь начинаются сведения, имеющие историческую достоверность. Следующее повествование извлечено из книги Джаифара, и то же самое находится в книге Табари о княжеском родословии.

Хан Ларун, уроженец Вавилонский, вследствие гонений оставил родину и поселился в Египте. Двое сыновей его, Черкес и Бикес, приобрели большое влияние между египетскими народами и преимущественно между коптами. Это влияние простерлось до того, что копты произвели в пользу этих князей возмущение. Узнавши об этих происшествиях, турецкий султан Исгак собрал войско, дабы изгнать беспокойных князей. Он с большими силами вступил в Сирию. Противники уже ожидали его там с несколькими тысячами своих приверженцев. Война продолжалась несколько месяцев; наконец Черкес и Бикес были убиты, а войско их почти все истреблено. Ближайшие их родственники Туманпай и Араб-хан, не видя возможности устоять против султана, решили бежать с своими семействами и остатками войска из Сирии в окрестности Александрии.

Султан Исгак, сведав о бегстве своих врагов, послал за ними отряд. Кровапролитие снова возгорелось, и после многих сражений Туманпай был убит [1], часть его войска истреблена, а другая с Араб-ханом успела сесть на суда и пуститься в море. Но и там он был преследован, часто сражался и, претерпевая бесчисленные бедствия, успел, однако же, приплыть в Византию. Преследовавшие его турки, возвратились к своему султану. Нимало не медля, Араб-хан явился к императору и просил его покровительства и защиты. Греческий император принял его милостиво, облагодетельствовал и позволил ему поселиться со своими выходцами на реке Кобарте, в Тавриде, желая сим благодеянием приобрести новый оплот для своей империи, поставив на границе людей известной храбрости и испытанного мужества. Спустя несколько времени, Араб-хан умер, и сын его Абдан-хан наследовал его власть. В то время турки и другие народы делали частые нападения на границы империи. Новые переселенцы, чувствуя свою вину против султана Исгака, невзирая на милости и доверенность греческого императора и не давая ему знать о своем намерении, решились бежать от вверенной им границы. Приготовив все средства, они тайным образом приблизились к берегу моря, где, сев на корабли, отправились в страну, называемую в летописях Западным Кавказом. Во время морского путешествия, жена Абдан-хана родила сына, которому дали имя Кеса. Переплыв Черное море, они пристали к берегу недалеко от Суджук-кале [2]. Обитавшие там адыгейцы приняли их ласково и позволили им селиться по берегу Черного моря до реки Хохоя [3]. Через несколько лет Абдан-хан умер, и молодой Кес, несмотря на свое несовершеннолетие, принял бразды правления. Он показал твердость характера, благородство души и редкое мужество; будучи честолюбив, подобно тем людям, которые чувствуют свои способности и мужество, успел привлечь к себе окрестных адыхов до такой степени, что они признали его своим князем, или повелителем, дав ему название Пшир-Кесшь. Кес принял веру туземцев, и впоследствии времени новые переселенцы мало-помалу совершенно слились с коренными жителями.

Мудрое и благоразумное правление распространило власть Кеса почти над всеми адыгейскими племенами, которые, будучи озабочены притеснениями окрестных народов и чувствуя необходимость ограничить своеволие свободы, подчинялись добровольно его власти. Но были, однако же, между ними и такие, которые ее не признавали. После многолетнего благополучного управления, Кес, умирая, передал власть сыну своему — Адо. В княжение последнего не случилось ничего достопримечательного; он прожил несколько лет и, умирая, оставил власть сыну своему Хурофатлае.

Этот князь был еще очень молод, когда лишился отца. Но лета не принесли ему ни дарований, ни мужества его предков. Видя это, адыгейские князья и витязи отложились от него и стали жить по-прежнему независимо, вели войны и делали набеги на соседственных хазар, Таматаркану [4] и на другие земли, лежавшие около них. Слабый Хурофатлае не мог до конца своей жизни возвратить себе власти и влияния своих предков над адыхами. Через несколько лет он умер, оставив сына по имени Инал.

Извлечение это сделано из Родословной книги, написанной на турецком языке.

5.2.Инал и его характер. Бунт горцев под предводительством Оздемира. Любовь и уважение к Иналу. Слитие египетских переселенцев с туземцами. Сорок судей. Кончина Инала и его могила. Новые беспорядки при преемниках Инала. Раздел земли между его сыновьями. Княжение трех братьев: Болотоко, Занн и Хотокрой.

Повесть о подвигах Инала.

Инал был щедро одарен природой: он имел все качества великих и добродетельных людей. Под его твердым и благоразумным управлением прекратились смуты и беспорядки между адыхейцами. Приобретя доверенность народа, он упрочил свою власть и успел примирить враждующие стороны и соединить разъединенные силы. Благородная душа его, ненавидя насилия и беспорядки, предприняла строгими мерами истребить вкоренившееся буйство. Первым попечением его было наказать виновных в беспорядках князей и их подданных. Некоторых он подвергнул телесному наказанию, а более важных преступников казнил смертью; добрых же ласкал и старался отличать; в особенности он оказывал свои милости опским или абазинским князьям, Аше и Шаше. Успех увенчал его предприятия; он имел удовольствие видеть, что им водворенное устройство начала упрочиваться. Многие буйные князья, не желая подчиниться власти Инала, удалились в самые неприступные места и оттуда производили опустошительные набеги на соседей. Инал решился их истребить [5]; собрал войско и разбил соединенные их силы, причем взял до тридцати главных начальников в плен, десятерых из них казнил, а прочих принудил к присяге на верность и подданство.

Между тем южные горцы взбунтовались, под предводительством опского князя Оздемира, который, собрав значительное число их, пошел против посланных Иналом кегахов и победил их. Но когда они узнали, что против них собирается сам Инал с войском, то Оздемир удалился в Абхазию. Инал пошел за ним к абазехам и истребил много людей в том народе за их непокорность. В этой войне Оздемир лишился жизни.

Благоразумие, прямодушие и высокие дарования Инала приобрели ему любовь и уважение адыхейских племен. Это расположение еще более усилилось, когда египетские переселенцы окончательно соединились с туземцами, приняв их веру и язык. Обиженные находили: защиту, а притеснители справедливое наказание. Мудрые постановления упрочили возникающее спокойствие. Сорок судей, поставленных над народом, заботились о его благосостоянии и поддерживали тишину и благоденствие. Этот образ правления продолжался до 1427 года. Князь Инал пользовался в народе большим уважением, и подданные нарекли его великим, и мудрым и любили его, как отца. Он же во все продолжение своей жизни ни о чем так не заботился, как о благосостоянии подданных и о спокойствии края. Он был наименован святым, и впоследствии вошла в употребление поговорка: «Дай, боже, Иналов день!»

После покорения Абхазии, находясь на Дзибе [6] для заключения мира с абхазскими племенами, он, по окончании всех дел, скончался смертью праведника. Тело его похоронено в упомянутой земле, и могила его, известная и до сих пор, носит название Инал-кубе, т. е. «Иналова могила» (по-абазински). И теперь народ свято чтит прах Иналов; он запрещает пускать скот вблизи его могилы; убить зверя в ее окрестности считается преступлением. Инал вступал три раза в брачный союз и оставил после себя пять сыновей: от первой жены Жайхота, от второй — Миньболата и Беслема; а от третьей — Унармеса и Кирмиша. Все эти сыновья по обычаю адыхов были взяты на воспитание узденями. После смерти Инала подвластные решительно не хотели повиноваться сыновьям его. Ни один из них не обладал качествами отца, необходимыми для управления столь обширной землей. Напротив того, их надменный и вздорный характер, сделавшись всюду известным, возбудил неповиновение и раздор не только в простом народе, но даже и между князьями, которые предались прежнему самоуправству. Все благие намерения Инала были забыты, и даже княжившие братья подавали пример неповиновения старшему брату. Должно полагать, что разноутробие Иналовых детей было причиной их раздоров. После долгих беспокойств, они разделились на три части: один из них остался в Хегаке [7], другие поселились в Кемиргое, а остальные ушли в Кабарду. От этих-то сыновей Инала производят свое родоначалие нынешние кабардинские, кемиргоевские и бесленевские князья.

В давние времена из потомков адыхейских князей в Кемиргоевском племени княжили три брата. Их звали Волотоко, Занн и Хотоккой

Долго они жили вместе, но, наконец, младшие пожелали отделиться от старшего брата, но на это не могли долго получить его согласия. Наконец Занн успел хитростью привлечь на свою сторону многих из разных племен. Усилившись таким образом, он подготовил некоторых приверженцев отделиться от соотчичей, под видом переселения на выгодное место. После того он стал опять просить убедительно старшего брата о дозволении переселиться на новое место. Последний, не подозревая его намерений сделаться независимым, согласился и отпустил часть своего народа с арбами на назначенное место. Потомки этих переселенцев и доныне еще занимают те же места и называются Занно [8]. Болотоко, сведав

о его намерении быть независимым и желая его наказать, оставил на старом месте жительства все имущество отделившихся людей.

На следующий год Хотокой, следуя примеру брата, отделился также от своего племени с некоторой частью народа и ушел на избранное место. Потомки его и поныне называются хатохоевцами. Болотоко же, будучи благоразумен и тверд и не желая разорять народ свой переселением, остался на прежнем месте жительства с большей частью своего племени. Этот народ до сей поры удержал прежнее название Кемиргой [9], а Болотоко слывет в адыхейском народе «князем из князей».

5.3. Предание о войне с хазарами. Война хазар с кахами и кегхами. Сражение на Пшизе. Мир.

Предание о войне с хазарами.

Адыхейцы, подчинив себя иноземному владычеству, уничтожили свое древнее правление. Честолюбие египетских князей не позволяло им довольствоваться миром и спокойствием своих подданных; они желали прославиться воинскими подвигами. Некоторые полагают, что адыхе состояли в зависимости у хазар; но наши предания ничего не сохранили об этом порабощении. Напротив того, сохранились многие подробности о войнах с хазарами и тмутараканскими князьями. Повествуют, что адыхейский князь Безруко Болотоков соединил свои силы с войском князя Алегико Канжов и пошел воевать Хазарию. Хазары приготовились к обороне и ожидали нападения. Князь Алегико, посланный вперед с малым отрядом для открытия неприятеля, не доходя границы, наткнулся нечаянно на хазарское войско, которое превосходило его числом; завязалось жаркое дело, в самом начале которого Алегико был взят в плен. Его отряд был окружен и едва мог устоять против сильного натиска многочисленных врагов. Князь Безруко подоспел вовремя, чтобы выручить передовой отряд. Он с храбрым войском стремительно бросился на неприятеля, как голодный волк на стадо баранов. Неприятель защищался мужественно и, сколько ни сопротивлялся, — храбрым натиском князя Безруко был опрокинут и совершенно разбит [10]. Успех этого набега не мог, однако же, утешить его в потере князя Алегико, который остался в плену у хазар.

Следующая песня подтверждает повествование:

«За морем давно уже настоroje правый глаз Алегико; давно ожидает он прибытия больших кораблей, давно ожидает он серебряного моточка, чтоб получить свободу.

Клятва пред богом—дело великое; мне клялись многожды освободить меня; но гордые меня обманывают

За кровь княжескую сам бог искатель и мститель.

Князь Алегико, зачинщик войны, негодует в Саркале на адыхов.

Напрасно негодовал Алегико, ибо воины разили врагов как молния; но, не находя нигде товарища своего, возвратились в свои дома с богатой добычей.

Клятва перед богом — дело великое; но обманчивы были клятвы, храбрый Алегико доживал век свой в тяжкой неволе».

Таким образом, князь Алегико пробыл три года в плену в Саркале; но между тем (так говорит предание), татарский хан с многочисленным войском вступил в западную часть Кавказа и объявил войну кахам и кегхам. Адыхи, собравши свои войска, выступили к реке Пшизе [11], где они сошлись с неприятелем. На этой реке было дано несколько сражений; между тем предварительно уведомили опские племена о нашествии врагов. Наши просили у них помощи, и опсы с охотой вызвались прислать к ним несколько тысяч ратников. По прибытии союзного войска, военные действия прекраились с обеих сторон, и хан согласился заключить мир на следующих условиях: чтобы адыхи и опсы соединили свои силы с ханскими и предприняли сообща поход против Аскалы, или Саркалы, которая, по преданиям нашим, находилась за Доном. Слово «саркала» на персидском языке значит «главная крепость»; Аскала — «Азовская крепость». Адыхейцы согласились и, таким образом, два значительных войска отправились для взятия Саркалы.

Поход был удачный. Князь Безруко сопутствовал хану, и совокупными действиями они разбили войско хазарское, взяли Саркалу и освободили князя Алегико. Они заняли все царство Хазарское по берегу Азовского моря и овладели Тамтаракаем. Нашим войскам досталась богатая добыча. Видя ревность и

хорошее содействие наших войск, хан благодарил их за храбрость и мужество и, наградив богатыми дарами, отпустил с почестями в отечество.

Это счастливое возвращение наших войск способствовало к поддержанию народа, страдавшего тогда от голода по случаю неурожая.

В Русской истории сказано, что великий князь Святослав воевал с яссами и косогами, победил их и повел с собой против хазар. Яссы означают опсов или нынешних абазинцев, а не осетин, как полагает Карамзин. Косоги — это кеггахи, или чапсоги, названные сим испорченным именем иноплеменным народом. Адыхейцы были всегда в союзе и мире с опсами и в трудных обстоятельствах получали от них несколько раз помощь.

Немудрено, что предание, переходя от поколения к поколению, могло исказиться, и имя русских, которые сделались впоследствии неизвестными нашему народу, забылось. После падения Тмутараканского княжества наш народ не имел с ними сношений в продолжение слишком пяти столетий, до самого царствования Иоанна Васильевича Грозного. Могло быть, что имя русских исчезло в памяти народной, и было заменено именем татар, которые заняли на западе то место, от которого приходили русские к косогам или кахам. Излишне упоминать, что татар еще не было в Крыму, когда на берегах Азовского моря существовало царство Хазарское. Следующая песня сочинена по поводу взятия Саркала:

«Крепкие стены мотодские обогрены кровью неприятельской. Много лучших витязей наших погибло в ущельях Саркала, много пало там еганских юношей.

Несмотря на потерю воинов, наши стояли крепко, и трубач с белого коня своего громко созывал витязей на новый бой, и вновь закипела ярая битва за морем Азовским.

Воины наши терпят голод, но попечения Безруко насыщают утомленных ратоборцев.

Татарский хан и к нам приводил бесчисленное воинство, которое могло бы покорить всю вселенную.

Мужественный витязь не смотрит на вражьи луки; пораженный в голову стрелой, он продолжает сражаться.

Таковым оказал себя мужественный Фамоко, искатель битв. Является Хату на прекрасном своем коне, но не будет он более гордиться им; конь пал, уязвленный в сражении.

Храбрые Договы яростно бились с ожесточенным неприятелем.

Прибыл Кофнира, и враги утратили своего богохранимого князя, ездившего на белом коне. Тогда ничто не могло удержать стремления наших воинов; не устоял и каменный мост,— последний оплот неприятельский».

5.4. Поход на Саркал. Освобождение Алегики. Овладение Тамтаракаем. Яссы и косоги. Песня. Покорение Тамтарака. Поход против Тохтамыша и сына его Безруко Идара. Мир. Идария. Смерть Идара. Бесланевцы.

Повесть о князе Идаре и уничтожении Тмутараканского княжества (не дошедшая до русских бытописателей).

Предание сохранило нам занимательное повествование о внуке знаменитого Инала, князе Идаре. Как выше упомянуто, Инал был женат три раза. От третьей жены, у него осталось два сына: Унармес и Кирмиш, которые женились на адыхских княжнах. Унармес оставил сына Тохтамыша, владевшего Кабардой. Кирмиш умер, оставив беременную жену, которая была взята в дом к родителю своему Хамишеву. Будучи у него, она родила сына, которого назвали Идаром. Он воспитывался у матери до совершеннолетия. За его хороший характер и отличные способности дед его, Хамишев Бжедужский, князь Эльжеруко и весь адыхейский народ, несмотря на юные его лета, страстно его любили и питали к нему особенное уважение. Все находили в нем по приветливости и добродетелям великое сходство с князем Иналом. Когда же он возмужал, то стал помышлять о покорении соседственных народов и с этой целью собрал войско из кахов и чапсогов и повел его на Тмутараканское княжество и Хазарское царство.

Судьба благоприятствовала его предприятиям: он возвратился с богатой добычей и множеством пленных. Дед его, Эльжеруко Бжедужский, и могучий великан Редедя сопутствовали ему в набегах. Не было в адыхейском народе никого, кто бы мог устоять против силы Редеди; почему современники прославили его в следующей песне: Ой Ридадя, о Ридадя махо ореда, о Ридадя, махо! т. е. «Редедя,

Редедя, многосчастливый Редедя!» Эту песню и ныне поют во время свадьбы, жатвы или сенокоса, когда народ бывает в сборе.

Долгое время адыхейцы жили спокойно, не тревожимые никакими нашествиями от врагов внешних. Князь Идар с Эльжеруко Хамишевым и Редедею, собрав кахов, хагаков(63) и воинов из других адыхейских племен, пошли на Тамтаракай. Тамтаракайцы вышли к ним навстречу с своим ополчением; когда обе армии сблизилась, Редедя, по обычаю тогдашних времен, захотел решить участь войны единоборством. Он стал просить у тамтаракайского князя бойца и говорил ему: Сить сшха дгакодра набжегухер дыд дзехарик тлиик сшха иткутира» (64), т. е. «Чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь тамтаракайский согласился и не стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вызов великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил его ножом [XXXI]. Происшествие это прекратило войну, и адыхейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия. Спустя несколько лет после этого похода, адыхейцы собрали значительное войско с намерением отомстить за смерть Редеди, а вместе с тем завоевать тамтаракайскую землю. Для увеличения своих сил они просили помощи у опсов, и те им прислали до 6000 отборных людей, с которыми отправились в Тамтаракайское княжество; несколько тысяч неприятелей вышло к ним навстречу. Много было сражений кровопролитных, много погибло людей, много разорено жилищ, много истреблено имущества, но намерение адыхейцев было непоколебимо: отомстить же стою за смерть Редеди и уничтожить Тамтаракай.

Война продолжалась несколько времени с величайшим упорством с обеих сторон. Наконец адыхейцы победили своих врагов и разорили всю область Тамтаракайскую. После этой победы они возвратились в отечество с богатой добычей и множеством пленных. С того времени ведется пословица у адыхейских племен: Тамтаракай ухуньме (65), т. е. «Да будет тебе участь Тамтаракая». Еще говорят вместо брани: Тамтаракай ух!—«Будь ты Тамтаракаем!» Так же говорят и татары: Тамтаракай бал, что имеет то же значение.

Без сомнения, тамтаракайский князь есть русский князь Мстислав, княживший в молодости своей в Тмутаракани. История сохранила повесть о его единоборстве с Редедею, совершенно схожую с нашим преданием. В русских летописях имя Тмутараканского удела исчезает в XII столетии с совершенной неизвестностью о той войне, которая стерла с лица земли одно из княжеств Русской державы. Но предание и в особенности пословица, оставшаяся в народе, без сомнения доказывают, что это событие совершено нашими предками. Русские называли их вообще косогами, по названию одного из наших племен (кегехов), которые жили, всех ближе к Тмутараканскому княжеству.

Несколько лет спустя после вышеописанных происшествий кабардинские князья, происходящие от Инала, перессорились между собой. Каждый из них хотел властвовать один над кабардинским народом. После многих перемен, междоусобная война кончилась изгнанием князя Тохтамыша и сына его Безруко, поселившихся близ реки Кубани, на речке, названной его именем— Тохтамыш (66); другой его сын Калиш жил на том месте, где ныне Волгского казачьего полка станица; Сабля (67) и которая по его имени названа Калишем.

Изгнанные князья происходили от детей третьей жены Инала, а те, которые их вытеснили, были потомки старшего сына от первой жены Инала. Князь Идар, находившийся тогда у деда своего Хамишева в земле кахов (68), сведав о распрях, возникших между его братьями, вознегодовал на них. Через два года позже он посылал к ним несколько раз, увещевая прекратить ссоры, и требовал от них примирения и дружбы на будущее время. Но, видя, что они пренебрегают его советами и посредничеством, Идар собрал из, кахов или чапсогов, хегаков, бжедухов (69), махошев (70) и прочих закубанских племен многочисленное войско и пошел в Кабарду с намерением усмирить враждующих князей и взять свою долю из наследства отца. Не доходя Кабарды, прибыл к нему потомок Инала князь Коноко, чтоб совещаться с Тохтамышем (71).

Кабардинские князья, узнав о намерении Идара, приготовились к войне; а между тем послали в горы к разным народам, приглашая вступить с ними в союз. Более всех они надеялись на оссов, потому что те находились с ними в родстве. Говорят, что первая жена Инала была дочь славного осского или абазинского князя Ашева. По этому приглашению прибыли к ним около 3000 войска, набранного в разных местах гор; большая часть их была пешая. Князь Идар, посоветовавшись с двоюродным братом Тохтамышем, отправил к кабардинцам несколько знатных лиц, для объявления своих намерений: «князь Идар», говорили послы

его, «желает примирить враждующих князей, чтобы они впредь жили дружелюбно и спокойно. Сверх того, он желает справедливого раздела кабардинского народа и требует себе и своим родным одну часть, а другую предоставляет владеть потомкам Инала от первой жены».

Но кабардинские князья и народ на это не согласились, грубо отвечали на сделанные им предложения, и послы возвратились с отказом. Разгневанный Идар решился разделить народ насильственным образом. Он приказал жечь селения и народ выгонять к себе; а тех, которые будут противиться, велел убивать. Кабардинцы, видя это насилие, стали защищаться и, отступая, соединять свои силы; таким образом они дошли до Казбуруна (72), на правой стороне реки Баксана. Тут кабардинцы, соединив свои войска, сразились с войсками Идара. Кровопролитие было ужасное, жители, покрытые пеплом, и весь народ во время сражения производили страшный крик и вопль, проливая ручьями слезы. Некоторые из них для защиты надевали на голову пасхальные формы. Предание говорит, что на этом месте погибло с обеих сторон неисчислимое множество людей. Из числа князей пали: Тельстан, Айбак, Дударуко и Тохтамыш с сыном Калишем. Наконец это ужасное побоище кончилось миром, на следующих условиях: «чтобы князь Идар поселился в Кабарде, где ему угодно. Кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем ему повиноваться противящихся; же его воле решено было казнить».

По окончании переговоров и единогласного утверждения мирного трактата, войска разошлись по домам. Князь Идар вскоре после того прибыл, в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась Идарией.

Князь Идар, прожив после того несколько лет, умер и оставил по себе двух сыновей: Питу и Марелшко. Князь Коноко Берсланович, невзирая на трактат, уговорил отца Берслана и, избрав удобные обстоятельства, успел увести из Кабарды до 200 семейств. Он поселился с ними на речке Орпе (73); их потомки, живущие там, называются Бесленеевцами (74) и нынешние их князья происходят от князя Коноко, от чего их называют ныне по имени предка — Коноковыми.

На Казбурунское сражение сложена следующая песня:

«В нашем Казбуруне все готовятся: к жестокой битве. Наши храбрые и знаменитые витязи побуждают друг друга выйти из Казбуруна и ринуться на неприятеля.

Вот выступают доблестный Эльжер Хамишев, Айдар храбрый и князь Эльжеруко, доблестный герой, на добром коне своем.

Тлаходуова серая лошадь падает у ворот досчатых укреплений Казбурунских, построенных в виде четырех-угольника.

Смешались люди и кони в безобразной толпе одежд и лиц.

Падает храбрый витязь Алтай Богарсоков, с пробитым стрелой черепом.

Несмотря на ужасную сечу, Эльжер Хамишев и воспитанник его, князь Идар, одинаково упрямы.

Смотря на успех или неудачу своих, витязь Эльжеруко то прыгает через ограду, то снова должен отступать назад.

Семигда Касибиев, погладивши бороду, ударом бердыша сбивает ворота крепости.

Кургоков, добрый Женгери, неотразимый, один причиняет ужасное кровопролитие.

Доблестный Хамишев Эльжер, князь и храбрый, стойкий воин Идар и победоносный князь Эльжеруко отважно сражаются при переправе.

Два гордых брата Пищуковы, бившиеся с ожесточением, кровавыми руками утирали свои бороды.

Несмотря на застывшую кровь на рукоятках сабель двух витязей Богарсоковых, в ограде мужественно сражавшихся, они вложили сабли свои в ножны, полагая, что неприятельское войско сдастся.

Мужественный Эльжер Хамишев, князь Идар и храбрый князь Эльжеруко, витязь неустрашимый, который прикован к седлу стрелами, не покидают битвы.

Здесь пылает Богарсоков аул; там между войсками громко воют вышедшие из Хашанских аулов жители; на головах их, вместо шлемов, видны пасхальные формы.

Мужественный Эльжер Хамишев, доблестный князь Идар и князь Эльжеруко были неумолимы, как пожар; теперь будут милостивее.

Нашипасева тегелия напитана кровью; удары его меча как будто вынули сердца из семи передовых полков неприятельских.

Храбрость малочисленной дружины бжедухских всадников, подобно невидимой чуме, нагоняет ужас на души противников.

А косою Коноко, не желая войны, удалился с многими кабардинцами.

Храбрые бжедухские всадники желали бы опять идти в дело, но изнеможение сил заставляет их оставаться на месте.

Абазинские пешие толпы таскают на спине копченую говядину и не думают о славе.

Амифокова белая лошадь издыхает от усталости, и золотой его рыцарский щит пробит и утыкан стрелами.

Князь Идар и храбр и мужественен, но не сравнится ему с Самагу ом Шипшовым; этот есть из князей князь.

Война принудила и красавиц наших сносить бедствия и жить под навесом бурки, вместо палаток.

Мужественный Хамишев Эльжер, князь доблестный Идар — герой и князь Эльжеруко доблестный блистают в сече, как молния в темную ночь.

Один Дохшуков без пользы истер свою тегелию в бурьяне.

Коноково поколение должно помнить благодеяние Кургока и не забывать до последнего потомства».

Глава VI. Междоусобные войны. Набеги калмыков и татар

6.1. Повесть о нашествии калмыков. Междоусобия князей и война с татарами и калмыками. Князь Шалох Толостанов. Набег калмыков и татар на Кабарду.

Много лет прошло после междоусобной войны в мире и спокойствии. Кабардинский народ забыл свои бедствия и поправился от разорения. Вдруг появились неожиданно около кабардинских границ тургуты (праотцы или однородцы нынешних калмыков), с многочисленным войском и с тарковскими татарами. Князья Бшиапшоко Берсланович, Кидиршоко Татлостанов, узнав наверное о приближении тургутов, собрали значительное войско в ожидании нападения; но не зная, с которой стороны неприятель перейдет границу, послали молодых князей: Кидиршоко, Тепсоруко и Шлахестана с 1000 отборными всадниками для наблюдения за неприятелем. Им поручено было высмотреть число и направление неприятелей и немедленно известить о том кабардинцев. Отправив наблюдательный отряд, кабардинцы занялись обеспечением своего имущества и народа. На другой же день получено было сведение о числе тургутов и об их направлении. Кабардинцы тотчас же отправили весь скот, конские табуны и семейства для безопасности в горы, а на третий день выступили и сошлись с тургутами при соединении реки Малки с Тереком, на переправе, где ныне горского казачьего полка Екатериноградская станица. Через реку завязалась перестрелка, во время которой многочисленные толпы тургутов и татар, переправившись через реку в разных местах, окружили и опрокинули кабардинцев, которые на этом месте не могли устоять и принуждены были отступить к горам. Дошедши до реки Псигонпсу [1], они стали на позиции, отделив половину своего войска на р. Баксан для лучшего охранения края.

Тургуты, перейдя через Малку, начали жечь опустелые аулы и, разъезжая малыми толпами для отыскания оставшегося скота, вещей и прочего, стали ловить птицу, бить собак и кошек на пищу. Кровь убитого животного была для них самым приятным напитком. Кабардинцы, заметив их оплошность, начали нападать и истреблять их малыми частями. Видя это, тургуты соединились и выступили к реке Псигонпсу, где на укрепленной позиции стояли наши войска. Подпустив неприятеля на близкое расстояние, кабардинцы бросились на него с яростью. Загорелась жестокая битва, и кровь полилась ручьями. Но и на этот раз кабардинцы не могли одолеть неприятеля и принуждены были отступить к самым вершинам гор. На другой день тургуты пошли за ними и нашли их на позиции в весьма крепком ущелье, где снова завязалось упорное дело, продолжавшееся несколько дней и лишившее обе стороны множества людей. Из кабардинских князей убиты: Бшиапшоко, Кидиршоко, Коншоко, Пушт и Каломет. Один из молодых князей, выскочив из-за скалы к мосту, который кабардинцы уничтожили, погиб в пропасти; князья Шалох и Галахстан были ранены. Кабардинцы были в опасном и ужасном положении, имея мало надежды на спасение, но через день неожиданно подоспела к ним помощь, состоявшая с лишком из 2000 людей, собранных из разных горских племен. Подкрепленные свежими войсками, кабардинцы начали действовать наступательно; они бросились с таким остервенением на врагов, что заставили их отступить и преследовали да переправы через Малку, беспрестанно сражаясь с отступающим неприятелем. Скоро тургуты удалились от пределов нашей земли, оставив в ней множество пленных, потомки которых и донныне находятся у нас в холопском состоянии. Кабардинцы прозвали, их нашку, т. е. «узкий глаз».

Место последнего сражения сохранило название Каш-Катау, т. е. «беги в горы». С того времени существует поговорка: когда бранятся, то говорят в виде злого обета: ипорипих уыхо, т. е. «чтоб ты попал туда, где нас режут».

После этой победы кабардинцы поселились опять на прежних местах. Это сказание подтверждается следующей песней: «Льетса кровь ручьями в нашем Каш-Катау и нет места развернуться нашим доблестным наездникам и храбрым витязям в узком ущелье. Из всех князей доблестнейший герой князь Кидиршоко погиб в Каш-Катау. А молодой Тебсоруко при разрушении моста свалился в пропасть. Богатым налокотникам, валявшимся на земле, завидовал и сам шамхал. Уцелевшие от поражения воины наши пришли к Казы Бшиапшоковичу с печальными вестями. Князь поскакал на помощь к своим войскам на пегом коне своем, столь быстро, что лопнули новые путлица на его седле. Отличный конь этот пасется на горах с дикими тиграми и львами. Могучему князю срубить голову с богатырских плеч — легкая забава; левой ли или правой рукой удар его нанесен, он равно силен, лишь бы было надежно древко копья; никогда он не выезжал из битвы с целым копьем. Кидиримурзовский конь борется с быстрой волной, а седок его, храбрый Богдидар Коголукин, уже много поломал копий. Ейдаровы двое сыновей на рыжих конях сражаются с неприятелем и, защищая друг друга, в жестоком бою пали эти храбрые витязи в Каш-Катау. Тахтабиев сын Баташа, оборотясь, пустил стрелу, которой пробил двух знаменщиков. Золотые их латы в кустах валяются. Лук у сына Шоганова Маршанкуло два человека не могли натянуть, а пущенная им стрела пробивает разом трех человек. Так знаменит был Ханцов сын Берд, что когда он на сером коне своем настигал неприятелей, то они впадали в робость, а сподвижники получали бодрость от его присутствия. Ночью Ардашао, сын Шипшева, не заботится о покое; все его попечения обращены на войско. Стрела его, поражая врага, издавала звук, подобный звуку молота».

Адыгейские князья, к общему вреду своего народа, управляли каждый своим участком независимо. Они вели войны то между собой, то с соседними народами: с татарами и калмыками, причем, однако же, они всегда руководствовались беспристрастием и справедливостью

Один из князей, Шалох Таусултанов, пожелал разделить со своими двоюродными братьями, но условия его не были ими приняты. После этого он несколько лет скитался у разных народов; наконец, в досаде за несоседние племена, угоняя табуны и отбивая скот, а нередко даже уводил людей в плен и раздавал их уоркам, участвовавшим в его предприятиях. Сверх того гордый и беспокойный князь Шалох несколько раз сеял семена раздора и заводил возмущения в народе. Приверженные ему уорки подговаривали некоторых старшин и советовали им разделить Кабарду. Несколько старшин на то согласились, и, не ведя о том переговоров, без согласия владельцев, со своими аулами внезапно отделились в пользу Таусултанова поколения, и князь Шалох увел их за реку Терек и поселил на правом ее берегу. Обстоятельство это совершилось без всякого сопротивления со стороны прочих князей. Земля этих переселенцев и доныне носит название Малой Кабарды или Таусултании.

Мы уже говорили о том, каким образом разделился адыгейский народ на разные племена, получившие наименование по месту жительства или по имени князя, вначале властвовавшего над ними. Причиной тому всегда была взаимная зависть, доведшая до ужасных бедствий и породившая глубокое ослепление. Ненавидя друг друга, каждый искал ограбить ближайшего соседа, отчего весь адыгейский народ начал забывать и, наконец, совсем изменил древние обычаи и нравы, основанные на братской любви. Потомки египетских князей утвердились между кабардинцами, бесленеевцами и кемиргойцами, а прочие племена, у коих они не могли укорениться, сохранили древние обычаи в полной чистоте. У них управляют старшины, и если кто-нибудь совершит преступление, то по всенародному суду наказывается смертью: с наложенными за рубашку и в исподнее платье камнями его бросают в воду. Для маловажных преступлений и измены есть другие, определенные обычаем наказания.

Между шапсугами существует в полном смысле взаимная любовь и братское согласие. Один другому зла не делает, а готов оказать всевозможную помощь. Главная их выгода состоит в том, что они никогда не разделялись на малые владения или княжества, а потому и живут всегда в общем союзе.

Но возвратимся к князю Шалоху Толостанову (из поколения князя Таусултана). Он начал властвовать в Малой Кабарде, а потомки князя Кайтуки Жанхотова и князя Тохтамыша и сыновья князя Идара остались в Большой Кабарде.

В XIII веке, внезапно и совершенно неожиданно, калмыки и татары, в числе около 3000 человек, сделали набег на Кабарду: сожгли хутора, отбили табуны и забрали много людей в плен. На другой день кабардинцы, узнав об этом происшествии, тотчас собрали до 1000 человек отборных наездников из

Большой Кабарды и до 500 человек из Малой Кабарды, начальство над которыми поручили гордому князю Шалоху. Князь этот, отправившись в погоню за неприятельской партией, через два дня настиг ее на привале близ урочища, называемого Маджарами [2]. Князь Шалох бросился на хищников с ужасным криком. Испуганные калмыки в беспорядке пустились бежать, покидая добычу и все свое имущество. Князь Шалох отрядил 500 человек с добычей обратно в Кабарду, а сам с 1000 человек продолжал преследовать хищников, которых вторично нагнал в обширных степях, где завязал с ними жестокую битву и побил у них множество людей. Через несколько дней после того калмыки, подкрепленные новыми толпами, окружили кабардинцев и большую часть из них положили на месте, в том числе и князя Шалоха. Спасшиеся от побоища возвратились в Кабарду. Некоторые говорят, что князь Шалох взят в плен в этом сражении и после выкуплен, другие же утверждают, что он пал на месте битвы.

Через несколько лет после описанного нами происшествия возобновились ссоры и смуты между князьями Большой Кабарды. Наконец потомки Тохтамыша начали поступать гордо с народом, грабить и притеснять соседей и обнаружили злонамеренность и корыстолюбие в отношении к прочим князьям.

Дурное поведение их возбудило двоюродных братьев составить заговор для истребления этого беспокойного и хищного дома; но князь Кайтуко Тохтамышев, сведав как-то о тайном умысле братьев, немедленно бежал к реке Малке, где и скрылся в прибрежном лесе. Братья же его пали жертвами заговора. Скрываясь в глуши лесов, он питался звериной охотой. Несчастливая княгиня готовила сама пищу, жила в бедном шалаше и претерпевала все лишения в продолжение нескольких месяцев, отчаиваясь даже когда-либо увидеться с народом. Через охотников, ездивших в тот же лес, народ узнал, что князь Кайтуко находится на реке Малке, скрываясь в густоте леса, и обитает в шалаше. Кабардинцы послали к нему 500 человек с предложением возвратиться и быть по-прежнему в своей земле князем, но с тем, чтобы ему быть с князьями и народом обходительным, благосклонным, учтивым и никого не обижать. Посланным было приказано, если он на эти предложения не согласится и окажет сопротивление, то его лишить жизни, а княгиню привезти домой. Посланные отыскивали его в лесу, где ему немедленно было объявлено предложение народа. Князь Кайтуко принял его и заключил условие, которое подтвердил клятвой: что если он впредь будет поступать дерзко и незаконно, то пусть его лишат княжества. И так его взяли из лесу и с честью проводили на родину. Место, где он скрывался, и доныне называется Кайтуко. Через несколько лет он добровольно отказался от княжества, почему ныне дом Кайтуков считается между первостепенными узденями. С того времени этот род потерял право жениться на княжнах и может брать в супружество только узденских дочерей.

6.2. Вторжение аварского хана в Малую Кабарду. Несогласия между князьями. Поражение неприятеля кабардинцами и истребление их войска. Война Эльжеруко с тургутами и другими народами.

Предания наши сохранили память о беспрестанных войнах и набегах, претерпенных нашим народом с конца XIII века. Нашими соседями в то время были татары, калмыки и дагестанские племена. Аварский или хаданский хануцмий [3], был самым опасным врагом кабардинцев. Он много раз вторгался в Малую Кабарду и производил ужасные опустошения. Упадок народа и междоусобия князей много способствовали успехам врагов внешних. Сами князья были причиной бедствий своей родины; спор за право владения никогда не прекращался. Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам. По смерти князя Шалоха кабардинские князья предались распрям. Потомки князей Маремшао и Бату Идаровых перешли в Малую Кабарду. Князь Кошкао Калахстанович не согласился владеть по соседству с ними. Это послужило поводом к раздорам и смутам, которые кончились тем, что двоюродный брат вышеупомянутых князей из поколения Идара князь Кошкао отрекся от повиновения старшим братьям. И опасаясь справедливой мести, удалился из отечества к чуждым племенам, и долгое время разорял: с ними Кабарду, под благовидным предлогом отобрать следующую ему отцовскую часть имения.

В эту эпоху Кабарда представляла вид рассеянного воинского стана, где каждый, ополчаясь, охранял свое имущество вооруженной рукой. Народонаселение Малой Кабарды состояло из людей беспокойных, воинственных, отважных пришельцев, бродяг и преступников из разных стран и всех вероисповеданий. Это скопище мало повиновалось своим князьям; живя в своеволии и предаваясь всем буйствам, они разоряли восточные границы Кабарды и вносили в ее пределы все ужасы войны и

опустошения. Несчастливая Малая Кабарда готова была потерять благодать христианской веры, державшейся в продолжение столь многих веков. Магометанское духовенство спешило воспользоваться тягостным положением кабардинцев, дабы обратить их к исламу, не щадя при этом ни обещаний, ни подарков. Уже близка была минута решительного перелома, с наступлением коего, вероятно, исчезла бы и политическая самобытность Кабарды.

В этом положении кабардинский народ решил прибегнуть под защиту абазинцев и других горских племен. Заключив союзы с единоверцами, кабардинцы начали стягивать войска и через несколько месяцев собрали их на реке Чегеме. На избранной позиции они поделали завалы и даже в опасных местах каменные стены. Эти укрепленные позиции простирались от Бештау до реки Терека, куда и подвинулись кабардинцы [4].

Князь Кошкао, предвидя, что с восстановлением порядка и спокойствия в Кабарде исчезнет возможность к насильственному перевороту, и опасаясь притом справедливого возмездия от своих братьев, всеми средствами старался вооружить дагестанцев против своей родины. Он уговорил ханауцмий аварского помочь ему в получении своего достоинства от кабардинских князей. Собрав почти всех, кумык и дагестанских владетелей, хануцмий, ведомый князем Кошкао, двинулся, к пределам Кабарды.

Кабардинцы, получив известие о приближении дагестанского войска, отправили больных, стариков, жен и все имущество в горы. Приверженцы князя Кошкао нарочно распускали самые преувеличенные слухи и старались ложными известиями увеличить число своих единомышленников. Но, к счастью, кабардинцы твердо ожидали неприятеля, надеясь на свою храбрость и мужество. Несколько благоразумных урков убедили князей принять решительные меры к отвращению междоусобия и прекращению волнения в народе.

Начальник бесленеевского и абазинского войска, князь Эльжеруко, с несколькими тысячами конницы и несколькими сотнями абазинской пехоты, под начальством владельца Лоова, с конными и пешими кабардинцами, под предводительством сыновей князя Идара, Кемиргоко и Темируко, выступил из Большой Кабарды и через день приблизился к Нижнему Жулату (ныне Минарет). Хан-уцмий за несколько часов до того переправился через Терек и стал лагерем при урочище Каратереке, близ нынешнего Екатеринограда.

Желая избегнуть кровопролития, князь Эльжеруко Коноков вступил в переговоры с уцмием-ханом, увещевая его оставить неприязненные действия и представляя ему о великом числе союзников как из прочих адыгейских племен, так и из абазинцев, соединивших свое оружие с кабардинцами. Переговоры не принесли никакой пользы. Дагестанский владетель, надеясь на многочисленность своего войска и увлеченный лживыми обещаниями князя Кошкао, не хотел слушать предложений кабардинцев, но горел нетерпением сразиться и получить богатую добычу.

Видя непреклонность уцмий, князь Эльжеруко отступил назад с войском и расположил его на укрепленных высотах между реками Чегемом и Баксаном. На другой день пришли туда дагестанцы и остановились недалеко от наших укреплений, а на третий день начали готовиться к нападению. Князь Эльжеруко, заметив движение неприятеля, немедленно построил войска в боевой порядок и тронулся навстречу к неприятелю. Начался бой столь упорный, что он продолжался несколько дней. Во время сражения наши слышали с противной стороны Чегема грохот, подобный удару грома; за ним поднялся дым. Это явление крайне встревожило кабардинцев, а потому при наступлении ночи они отыскивали охотника именем Ортано и послали его в то место, где наиболее дымилось, разведать, в чем дело. Посланный лазутчик, достигнув того места, залег в кустарнике, где и оставался целый день, наблюдая за действием огнестрельного снаряда. При наступлении ночи он выбрал удобный случай подкрасться еще ближе к передовому неприятельскому пикету, удавил часового и взял у него большое огнестрельное оружие без замка, состоявшее из ствола и ложа. Он с успехом доставил его в кабардинский стан, куда стекалось все войско и с удивлением рассматривало новое оружие, с которым оно познакомилось в первый раз в этом деле. За этот подвиг Ортано был награжден повышением в знатное достоинство. На третий день снова закипела жестокая битва, во время которой неприятель был принужден отступить. Кабардинцы бросились в шашки и довершили поражение неприятеля. Предводитель дагестанского войска и виновник бедствий, князь Кошкао, с множеством знатнейших аварских и кумыкских воинов остались на месте битвы. Опрокинутый на всех пунктах, неприятель оставил на месте две трети своего войска, и лишь одна треть успела спастись бегством. Путь их был усеян трупами, и только наступившая ночь помогла им укрыться в кустарниках, лесах, камышах и тернах, растущих на скатах глубоких оврагов. Невозможно

было удержать кабардинцев, которые с ожесточением преследовали врагов, хищников и изменников своего отечества, и без всякой пощады предавали их в жертву справедливой ненависти. Достигнув до переправы, многие искавшие спасения погибли в Тереке. Так было истреблено войско уцмий! Кабардинцы же, возвратившись, домой со славой блистательной победы и с богатой добычей, торжествовали ее пиршествами и увеселениями в продолжение нескольких дней, после чего союзники их отправились восвояси.

После этого события замолкло для нас имя аварского хана и влияние хаданского народа прекратилось. Испытав силы кабардинцев, они говорили: кишжи-бек, что на татарском языке значит: «твердость не в каменной ограде, а в мужестве людей». С тех пор место между Чегемом и Баксаном называется Кишжи-бек. Кабардинский народ, охраняя свою независимость, издревле старался об укреплении своей земли на удобных позициях построением крепостей и устройством завалов. Это происшествие прославлено в следующей песне :

«Косцы наши отложили работу до будущего лета. А созревшее просо наше потравлено кабанами. Просяные зерна снимаются с колосьев бесленеевскими ведьмами [5]. Люди, пасшие наши табуны, бежали от врагов и прискакали домой на голых седлах. Наши молодые женщины, сидя в креслах, горько зарыдали. Добрый князь Копшао ежегодно три раза приводил врагов в свою землю. Люди наши сносили ваки от беспрестанной ходьбы по Кшантиевской дороге в ущелья. Даже железные котлы в тесной дороге поломались. Мы надеялись на Чегемские укрепления, как будто на Мухустову крепость [6]. Два войска стояли, готовые к битве, а князья наши отлучились для осмотра положения на Кишжи-беке. Мы были тогда, как пчелы без матки, а проведавший о том уцмий рвался на битву. Началась битва кровопролитная, и два отряда наших войск соединились в одно укрепление. Трупы убитых неприятелей улеглись на поле, подобно досчатому мосту. Кровь врагов лилась, подобно широкому потоку и проч.»

Около того же времени вышеупомянутый бесленеевский князь Эльжеруко Коноков беспрестанно вел войну с тургутами и другими народами. Вдруг он исчез и не показывался в течение семи лет. Народ по своему легковерию полагал, что он похищен нечистым духом. Когда же он снова явился на родину, то старшины и народ были очень обрадованы; но он так переменялся, что трудно было его узнать. Вскоре заметили, что он лишился рассудка, и о годах, проведенных им в отсутствии, ничего не могли узнать: все полагали, что он в продолжение этих 7 лет находился в плену. Говорят, что его вылечил Дохшукин, родом грек, бывший прежде шогеном, т. е. священником. За это князь Эльжеруко произвел его в уорки первой степени и подарил ему много дорогих вещей. Фамилия Дохшукиных существует и ныне за Кубанью и пользуется большим уважением в бесленеевском народе.

Князь Эльжеруко Коноков был самым храбрейшим и благороднейшим князем своего времени. Он был человеколюбив, ласков, рассудителен и обходителен с народом. Несколько раз он защитил свое отечество от врагов внешних. Он победил татар на реке Ахупсе [7]. В другой раз он победил соединенные силы калмыков и татар. Доброта, нравственность и славные подвиги приобрели ему всеобщее народное уважение и любовь. Следующая песня передала подвиги его потомству

«С тугого лука надежного предводителя пушценная стрела прямо и быстро полетела, неся ханскому войску смерть и опустошение. Ревнивый конь его Эмишь могучим копытом поражает головы калмыцкие, и тысячи трупов падают на пути его. Татарские передовые наездники, занявшие уже берега реки Ходзу, с ужасом бегут назад. Оставлена богатырская подруга — острая сабля, ибо не над кем ею потешиться. Нет врагов, которых бы она могла сокрушить. Доблестный Эльжеруко, исполин храбрости, с гордостью и самоуверенностью смотрит на великого хана. Камня на камне не осталось от городов Саркала, та же участь постигла кемиргойцев, восставших против князя. По примеру дел отцов своих, с благородной твердостью Эльжеруко с небольшими силами укрепился на Чегеме. Золотая перевязь и его атласная тегелия забрызганы кровью дерзких врагов. Враги с натянутыми тетивами не устрашили витязя, послушный конь в последний раз ринулся в толпу врагов. Гордое животное сослужило последнюю службу. Таким же образом доблестный витязь возвратил спокойствие и достояние тем, которые страшались навсегда потерять их».

Глава VII. Темрюк Идаров и первые сношения с Россией

7.1. Темрюк покоряет калмыков и татар. Темрюк вступает в подданство России Движение Девлет-Гирея

Кабардинский князь Темрюк Маремшаович Идаров, выйдя из юношеского возраста, помышлял единственно о подвигах великодушной храбрости. Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгейского народа, жившего спокойно под управлением своих старшин и старшего брата его, князя Кемиргоко. Желая напасть на татар, он собрал многочисленное войско, и юное его сердце рвалось с нетерпением на поле брани. Он давно уже приготовился к перенесению воинских трудов. Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил его на углях. Каков был предводитель, таково было и войско. Гекуоки сохранили для потомства еще одну прекрасную черту его характера: князь Темрюко Идаров не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас»[1].

В эти времена варварства, гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа. Берега Волги и Дона были первым поприщем его подвигов. Он покорила калмыков и тагар, которые продолжали беспокоить Кабарду своими набегами. Одна кровопролитная битва решила судьбу обоих народов. Князь Темрюк Идаров, победив калмыков и татар (как говорят предания), распространил далеко свои завоевания. От реки Дона он направил путь к Крыму и при этом вступил в сообщение с Россией, что крайне тревожило крымского хана. В это время князь Темрюк с некоторыми кабардинскими князьями дал присягу в верности русскому царю Иоанну Васильевичу и обязался помогать ему в войнах с султаном и Тавридой. Вероятно, что христианская вера, распространенная в древности греками между Черным и Каспийским морями, была еще в большой силе у нашего народа. Эта причина побудила его искать союза с русскими, как с единоверцами, и прибегнуть под покровительство царя Иоанна Васильевича. Память союза и дружества с русскими сохранилась по настоящее время в нашем народе; и теперь еще пословица говорит: тхаго Цар-Иван хоттуа, т. е. «присяга, которая пред царем Иваном» [2].

По возвращении князя Темиргоко и Темрюк были приветствованы кабардинскими уорками, которые поздравляли их с благополучным прибытием в отечество, с победой и с обеспечением народа от притязания и хищничества иноплеменников. Но более всего народ был обрадован союзом и покровительством России.

Со времени своего возвращения князь Идаровы жили в Кабарде. Кемиргоко в непродолжительном времени умер и по завещанию зарыт в землю на коне и в полном вооружении. Место, где погребено его тело, находится между реками Чегемом и Баксаном; над ним вместо памятника насыпан высокий курган.

Князь Темрюк Идаров, видя избалованность и худые нравы кабардинцев, беспрестанно помышлявших о набегах и грабежах, решился отправить своих детей, сына и дочь, на воспитание в Россию. Выбравши из кабардинцев достойного и верного человека, он поручил ему детей доставить в Москву и отдать их для воспитания царю Иоанну Васильевичу.

Сын его назывался Салтан, а дочь Мариан. Вскоре по прибытии в Россию они приняли святое крещение, в котором названы — сын Михаилом, а дочь Марией. Кабардинцы прозвали Михаила Урусъкан, т. е. «воспитанник русского». Посланный же с ними Иван, возвратившись на родину, рассказывал столь много неслыханного и чудесного, что его стали почитать за колдуна. О нем до сих пор сохранилась память между кабардинцами.

Крымский хан Девлет-Гирей, узнав обо всем происходившем в Кабарде, немедленно собрал войско с намерением совершенно истребить пятигорских кабардинцев. Князь Темрюк Маремшаович Идаров, собрав многочисленное войско из кабардинцев и других адыгейских племен, двинулся к реке Ахупсу и при впадении ее в Кубань, близ Тамани, построил крепость и там ожидал неприятеля. Девлет-Гирей сначала вторгся в землю чапсогов, разграбил и опустошил ее, а потом уже двинулся к тому месту, где ожидал его Темрюк. В первом сражении князь наш был ранен, но войско стояло крепко, и битва завязалась жестокая. Кабардинцы, хотя не разбили неприятеля, но своим упорным мужеством лишили его надежды победить их [3]. Оттуда Девлет-Гирей пошел к пределам России, в надежде хоть там поживиться богатой добычей [4]. Приводимая здесь песня сочинена на этом пришествии

«Протекло семь дней в ожидании неприятеля, и не видно, и не слышно ничего в степи. Войско наше стоит праздно на водах Ахупса. Спасибо доброму царю; он известил нас о приближении неприятеля, и доблестный князь Темрюк готов разить общего врага. Возгорелась сеча жестокая, и стрелы крымские летят в Темрюка, подобно зимнему инею, убеляющему поля и деревья. Но одна роковая стрела отыскала путь для пронзения храброго князя, и так глубока была рана, что трудно было ее (стрелу) вынуть. Пришел к нам из дальней стороны, из-за моря, через перешеек, воитель грозный с несметными силами и взял крепость

нашу. Пытались крепко крымцы перейти Ахупс и совершенно сбить наших: плохо было без Темрюка храброго, но наши отстояли. И отличился мужеством Кайдак Етлухов с золотыми усами (гегуоко хотел выразить — русые усы); герой из героев Темрюк только вздохнул [5]. от жестокой раны. Идар Тамбиев, заметив робость наших, бросился в середину неприятеля; устыженные братья Седиевы повернули за ним коней. От тугости луков их исходит гул, подобный пушечному, а от пущенной стрелы тетива издавала звук».

По выздоровлении своем князь Темрюк немедленно собрал кабардинцев и спешил идти на помощь к царю русскому, с которым и соединились близ Азовского моря. Царь весьма благодарил князя Темрюка за его верность и щедро наградил кабардинцев.

Таким-то образом князь Темрюк много раз помогал России; по возвращении своем на родину этот добрый, храбрый и лучший из всех князей наших умер от разболевшейся старой раны. Народ сказал про него: хахого ды пшишко патла задитльма длуху шегашего диажиким [6], т. е. «нет более доблестного героя храброго витязя нашего, князя Темрюка». Старики наши упоминают, что дочь Темрюка, воспитывавшаяся в России, пленила красотой царя русского и вышла за него замуж, а брат ее остался там, получив богатые подарки.

7.2. Князь Берслан Джанкутов. Его движение к Дербенту. Учреждение третейского и главного суда

Князь Берслан Кайтукович Джанкутов одарен был удивительной дородностью и толстотой. Щедрая природа, излившая на него с избытком свои дары, наградила его вместе с тем умом и отличными способностями; превосходные его распоряжения всегда оканчивались с успехом; но, к сожалению, он, по дородству своему, всегда ездил на арбе. Однажды, собрав многочисленное войско с намерением проложить свободный путь между Кабардой и Астраханью, а также для заключения союза с шамхалом Тарковским, он дошел до Дербента. На возвратном пути он ограбил персидских купцов и, заключив союз с дагестанцами, возвратился с несметным богатством, очистив для беспрепятственного проезда купцов вышеупомянутый путь. Здесь можно присовокупить, что князь Берслан был одарен умом решительным, характер имел строгий и благородный. Он ввел между кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей [7] на пять классов [8]:

1) тлохотлешь, 2) джинуго, 3) кодзь, 4) пшиш-орк или берсланорк и 5) уорк сшаотлух-гусса. Общее же всем название было уорк. Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) пишкеу, т. е. «княжеский», 2) окго или тлаоксыиао, т. е. «крепостной», 3) длагунпить или дльхокотль, т. е. «крестьянин», и 4) унаут, т. е. «дворовый человек».

Тлохотлешь, вместо тлабкусшь, слово трехсложное; имеющее два значения: 1-е, «от трех знатнейших поколений»; вероятно, они названы так потому, что были многочисленнее и богаче; и 2-е, двухсложное — тлабкусшь: «от мужественных трех родов человек». Джинуго — слово сложное из джину и го, т. е. «желтое серебро»; они были происхождения княжеского из низшего класса. Кодзь вместо кодзе, т. е. «добавка»; должно полагать, что это были переселившиеся иностранные дворяне. Пшиш-орк или берслан-орк, слово двухсложное, означающее «княжеский дворянин», т. е. начавший свой род от князя Берслана: они находились при князьях, приобрели дворянство и получали в подарок разные вещи. Орк сыиаотлух-гусса — слово трехсложное: «товарищ мужественного и благородного дворянина». Быть может, они названы так потому, что вели себя мужественно и сознавали свое достоинство. Должно полагать, что Берслан знал происхождение и мужество каждого из подданных. Ныне первые три класса [9].

полагаются в первой степени, а орк-сышаотлух-гусса в третьей; все же они издревле называются орк. Несмотря на сложные слова и значение их, они разделены по степеням.

Сверх этого Берслан, в продолжение управления своего кабардинским народом, желая улучшить и упрочить его благосостояние и для оказания всякому правосудия, первый учредил во всех аулах, в каждом по одному хеезжа, т. е. «третейский суд», в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей. Суд этот составляли несколько человек, из благонадежных узденей и депутатов со стороны народа [10].

, ежегодно им избираемых с утверждения самого князя, который в руководство им и народу издал разные законы и обряды, о которых будет говорено ниже. Жалобы же на судей, также уголовные и относившиеся до всего народа дела разбирались и решались под председательством князя в хе, т. е. «главном суде», учреждавшемся в постоянном месте жительства князя. Кроме того, князь Берслан Кайтуков установил разные штрафы за неисполнение данных им узаконений и обрядов, ныне не

соблюдаемых народом, и старался всеми силами искоренить зловредных людей, и весьма многих князей за неблагонамеренные их поступки лишал княжеского достоинства, а некоторых и вовсе изгонял. Равным образом он изобрел для собственных своих и узденских лошадей особое тавро, называемое и ныне берслановским. Украденная и найденная впоследствии лошадь с этим тавром подвергала виновных тяжкому наказанию.

7.3. Занские князья Антиноко и Канбулат

Занские князья, два брата — Антиноко и Канбула жили вместе. Старший из них, Антиноко, был женат и, кроме того, имел у себя девушку удивительной красоты, по имени Сатенуй. Народ начал говорить о связях князя Канбулата с Сатенуй, и Антиноко, узнавший об этом, возымел на брата своего подозрение и выгнал его из дома. Канбулат пошел к своему аталыку. Антиноко, узнав, что Сатенуй посылает к нему туда подарки, решился умертвить его. Канбулат бежал в Турцию с намерением просить у султана войско для примирения с братом, но, получив отказ, возвратился на родину, где успел привлечь на свою сторону большую часть народа, а вместе с тем и власть над Заном. Старший брат его Антиноко бежал в Крым под покровительство хана и просил у него войска для возвращения неправильно забранных братом его владений, с тем условием, что если он убьет брата и истребит участников его, то войско хана возвратится с богатой добычей. Хан обещал было, но вскоре о том забыл и только через семь лет, вспомнив об Антиноко, дал ему сколько нужно было войска, с которым тот и возвратился в отечество. Между тем Канбулат успел привязать к себе весь народ, и, узнав, что брат его с крымцами приближается к пределам его земли, он собрал народ, ожидая их прибытия. Крымцы пришли, и между ними завязалась жестокая битва, в которой много людей истреблено с обеих сторон; но Канбулат спасся бегством, оставшееся имущество участников отдано было крымскому войску, и весь народ присягнул Антиноко в верности. На обратном пути крымцами был отыскан Канбулат при заливе моря и убит. Тем и кончилось это сражение. Жена Антиноко, Сатенуй, как говорят некоторые, была отдана крымцам, иные же утверждают, что выгнана [11]. Аталык Канбулата собрал гекуоко и составил следующую песню .

«Именитые ездоки и единомушнные два спутника Жендеровы доведены до жалкого состояния с бедным Канбулатом. Доблестный князь Мокмоко в кольчуге с короткими рукавами бодрствовал для этого героя, мое же сердце сильно разрывалось с несчастным Канбулатом. Где ограды и ворота, там сыплются многочисленные стрелы. Мужественный витязь Коноко Карабов, стоя, согнувшись, ни одного всадника не пропустил. Ах, Канбулат несчастный! Каждую ночь хожу я к заливу морскому, и все аулы обойдены; но никто не входит в мое горестное положение! Жаль бедного Канбулата! Можно ли было надеяться на помощь боязливых всадников, на трусов-пешеходцев, на турков; с головами, повязанными чалмами, они не в состоянии что-либо сделать. Жаль бедного Канбулата! Князь Джанкилиш, быв, гоним, не знает и не умеет бежать, а отстреливается от врагов. Жаль несчастного Канбулата! Доблестный князь Мокмоко при жизни своей никакого добра не сделал, а по следам Канбулата погиб. Высокий витязь Хумаров от раны согнулся у ворот ограды, и через тело его понуждали меня перепрыгнуть, в досаду бедному Канбулату. Золото нарядное, Пшизединоко Коноков был в отменном одеянии достойнейшей фамилии, а сделать ничего не мог; жаль тебя, несчастный Канбулат!»

Глава VIII. Нескончаемые войны кабардинцев

8.1. Построение крепости на Тереке. Движение Девлет-Гирея к пределам закубанским. Последующие войны кабардинцев. Мурза Алкайс и вторжение его в пределы кабардинцев. Мир с ногайцами. Несогласия между кабардинскими князьями

После смерти Темрюка, внуки его: Казы, владетель Большой Кабарды, и Шогеноко — Малой, хотя жили не в согласии, но отношения их к России оставались все те же. В это время пронеслась молва, что турецкий султан Солиман намеревается утвердить за собой адыгейские племена и всех их обратить в мусульманство и что он посылает многочисленное войско для завладения Астраханью [1], жители которой были на стороне турок. Казы, Шогеноко и Шужие немедленно собрали отборное войско и, узнав, что Касимпаша оставил пушки в Азове и с одними легкими войсками и крымцами идет на Астрахань, где ожидали их русские, отправились осенью к Волге и у Белого озера встретили в беспорядке бегущих турок

и крымцев. Наши без труда разбили утомленных неприятелей, взяли богатую добычу и много пленных, оставив уцелевших спокойно бежать (есть пословица: шу штогахерь кодира умух [2], т. е. «от страха бегущих всадников уже не догоняй») и с большой славой и богатством возвратились на родину. С того времени ведется пословица: Сотей захудипатлесьш [3], т. е. «пойдем на Сотей», потому что турки хотели распространить границу свою до Сотей. Так называли мы степи, лежащие от Волги до Терека. К тому же времени относят и построение русскими для защиты кабардинцев крепости на Тереке.

Хан крымский не мог простить кабардинцам своего поражения, почему через три года собрал еще сильнейшее войско и нечаянно вступил в пределы закубанских земель [4] и расположился там отдыхать на две недели. Место стоянки крымского войска донныне сохранило название Хан-тоба, т. е. «Ханский курган». Сюда-то стеклись к Девлет-Гирею изменники и беглецы адыгейские, изгнанные из отечества узденя и т. п. люди. К ним присоединились и закубанские князья, уверяя их, что покорить кабардинцев ничего, не стоит. Что они изнурены недавними войнами, голодом и болезнями, что путь в Кабарду никем не будет защищен, ибо князья Шогеноко и брат его Казы не в состоянии набрать и тысячу всадников, и что с появлением ханского войска они скроются в горы. К несчастью, изменники сказали правду. Кабардинцы потеряли многих из своих храбрых предводителей. Князья Шогеноко, Казы и Шужие собрали войско и спешили занять берега Кубани; но хан обманул их и другим путем вторгся в Кабарду. Оставшиеся в ней князья, вместо сопротивления, малодушно оставили свои места и бежали из ущелья в ущелье, оставив народ без войска, без начальника. Когда хан уже стоял на Куме, главные силы наши, не отдыхая, настигли ханское войско на правом берегу Подкумка (близ нынешнего Константиногорска [5]). Хан приказал немедленно зажечь аулы и начать битву, которая превзошла жестокостью все бывшие до этого времени; одни и многочисленнейшие сражались за добычу и желали отомстить свою прежнюю неудачу, другие сражались за свою родину, за славу имени, за жен и детей. Много пало с обеих сторон, и только одно изнеможение заставило войска оставить сражение. Видя готовность кабардинцев биться за свою свободу до последней капли крови, хан решился возвратиться в Тавриду, пленив двух князей, Шахмурзу и Камбота, из поколения Идарова. Через несколько лет кабардинские князья ходили к берегам Каспийского моря и к дагестанским татарам, много раз побеждали их и, наконец, возвратились со славой, многими пленными и несметной добычей.

Шамхал Тарковский намеревался отомстить кабардинцам за разорение подвластных ему земель и, присоединив к войску своему обитающих по Волге и Каспийскому морю калмыков, ногайцев и других, поручил его кумыкским князьям. Войско это неожиданно вторгнулось в наши владения, истребляя все мечом и огнем. Едва разнесся слух об этом, как собралось в течение одного же дня до 2000 всадников; они встретили неприятеля на речке Кулькуджине [6], где и завязалась жестокая битва, не уступавшая бывшей с крымцами на Малке. Рассказывают, что она возобновлялась в течение 15 дней и что только ночь разделяла сражающихся. Князь Шалох с несколькими узденями захвачены в плен, войско наше отступило, и неприятель стал лагерем на реке Малке. В это время мужественный князь Казы был в отсутствии. Едва только достигла до него весть об опасности, угрожавшей отечеству, как он немедленно собрал сколько мог войска и поспешил на помощь. К счастью, добрый князь пришел вовремя. Оба войска немедленно соединились, окружили неприятеля и начали битву насмерть. Много крымских, ногайских и калмыкских князей пало на месте битвы. Оставшиеся едва успели спастись бегством, оставив победителям богатую добычу. Это подтверждается следующей песней:

«Мы ежедневно копаем рвы и не знаем усталости; насыпаем валы и не чувствуем скуки. Для чего вы избрали жилищем устья реки Кайтуки? И в Кулькуджине нашем было жестокое кровопролитие. Если бы князь Казы успел прибыть к нам, то беда не могла бы с нами случиться и не видели бы мы в Кулькуджине поставленных врагами золотых шатров. Князь Шалохо всечасно грозил врагам булатною саблей; князь Казы тоже грозился на них. Нам это было неприятно; они обманывают нас ежедневно, и князь Казы всегда нарушает крестный обет. Юный витязь, князь Казы, грозит короткой саблей и в начале битвы он опрокинул разом трижды десять (т. е. 30) человек. Доблестный витязь, высокий Мурзабек, достойный сын Кара Куденета, трехгранным копьем своим выдергивал кольца из кольчуг противников; сломанное копьё его осталось в теле ногайского мурзы Кашелая. Увжуко Куденетов — неустрашимый витязь и достойный сын Кара Куденета».

В таком-то унижительном виде достигли они Шагумова кургана, где, получив свободу, князь Шалох возвратился на родину с 27 человеками.

8.2. Спор за сито и ситовая могила. Князь Хатожуко и старания его к прекращению раздоров между кабардинскими князьями. Князь Хатожуко возвращает Кабарде прежнюю тишину и спокойствие

В последующее владычество Казы над Большой Кабардой мы должны были попеременно воевать то с ногайцами, то с калмыками, то с турками и крымцами. Благодаря мужеству и благоразумию князя, войны эти вообще были очень удачны для кабардинцев; наконец ногайский мурза Алкайс с родственниками своими Ештерском и Бештерском вторглись с многочисленными полчищами в пределы кабардинские и дошли до Баксана. Обманом они успели умертвить славного князя Казы и, взяв его голову, скрылись ночью от преследования кабардинцев. Старший брат Казы князь Шогеноко в то время мужественно защищал Малую Кабарду. Вскоре кабардинцы отправили послов для заключения мира с беспокойными ордами ногайскими, имея в виду больше всего возвратить голову Казы, с условием, что в случае согласия ногайцам будет дозволено селиться до Сотея. Между прочим, мурзы Ештерск и Бештерск просили, для утверждения приязни между двумя народами, выдать дочь Казы за кого-либо из них в супружество, и тогда только обязывались возвратить голову ее отца. Послы приняли это предложение и отправились обратно на родину с многими ногайскими старшинами. Похоронив торжественно прах знаменитого Казы, они послали дочь его. Но мурзы Бештерск и Ештерск, совестясь ли, что были виновниками убийства, или по другой какой причине, не захотели взять в супружество дочь Казы, а выдали ее за другого своего брата и брак совершен, был по магометанскому закону.

Знаменитый Казы оставил трех сыновей: Хатожуко, Жанбота и Мисоста. Малолетство этих трех братьев и неспособность других, двоюродных, послужили для кабардинцев источником многих несчастий и беспокойств.

После смерти Казы, кабардинцы лишились многих храбрых предводителей; князя Шогеноко и Шужий были уже в преклонных летах, а оставшимися от разных князей детьми овладело корыстолюбие и зависть до такой степени, что между ними возникла непримиримая вражда и они стали ненавидеть друг друга; каждый желал владеть самоуправно. Народ ими был доведен до такого положения, что за малейшие оскорбления или неудовольствия происходили убийства. Так, например, один бедняк выпросил у соседа своего на короткое время для сеяния муки сито и, забыв возвратить его хозяину, затерял его. Хозяин сита был в претензии, поссорился, и следствием происшедшей по этому случаю драки было умерщвление до 500 душ обоюбого пола. Все они погребены в одном месте, и могилу их называют кузанака, т. е. «ситовая могила»; она находится между реками Баксаном и Гунделеном [7]

Между тем князь Хатожуко Казыевич, невзирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался об отыскании средств к уничтожению непрерывных споров, распрей и буйств, возникших между кабардинскими князьями, узденями и чернью, собственно по интригам деда первых, старика князя Шужия. Благоразумием и усердием к общему благу он привлек к себе весь кабардинский народ, желавший быть под управлением одного старшего князя. Затем по просьбе народа вступив в полное управление им, князь Хатожуко для искоренения зла употребил самые строгие и жестокие меры. Первым распоряжением его было истребление злонамеренных и корыстолюбивых князей, особенно поколения Женцоха, Берслана и других. Собрав несколько сотен всадников, он начал убивать непокорных. Прежде других были убиты два брата — Батырша и Батарбий; потом удавлены другие два брата, Жанборимас и Жанборисхан, скрывавшиеся с аталыком, своим воспитателем, в пещерах и в ущельях. Все эти князья были племянники князя Шужия, который сам остался в живых, вероятно, по уважению к его преклонной старости, а по словам других, потому, что был, несмотря на лета, сильнейшим из всех князей.

Старик этот воспылил мстью за убийство его племянников и, не будучи в состоянии отомстить. Он через несколько времени, в отсутствии князя Хатожуко, отправившегося с братьями родными, Жанботом и Мисостом, к осетинам, собрал приближенных и приказал под видом увеселения устроить особое место и созвать борцов для состязания с сильнейшим и любимым княжеским борцом Созирахо, с обещанием победителю награды. Когда по приглашению на поприще явился Созирахо и побеждал всех без исключения борцов, князь Шужий, подойдя к нему, заколол его длинным острым ножом и потом велел тайно зарыть его в землю. Жена Созирахо по этому случаю оставила потомству следующую составленную ею песню :

«Ах, мой Созирахо! Ах, мой высокий Созирахо!» Концы копья твоего уподоблялись утренней звезде, но ты не избег изменнической кончины. Ты головы сильнейших борцов сносил большим своим пальцем. За кровь высокого Созирахо отомстит великий, бог».

Вскоре после этого князь Хатожуко по возвращении: на родину, не видя своего борца Созирахо, спросил о нем, и, узнав, от узденей о его смерти, сильно опечалился. Печаль эта заставила приближенных скрыть обстоятельства смерти борца, и князь, думая по словам их, что она последовала от болезни, только по истечении года узнал из дошедшей до него вышеприведенной песни о сделанном Шужиим убийстве. В намерении отомстить ему таким же коварным убийством, князь Хатожуко прибегнул к хитрости. Он отправился со свитой своею к Шужию, будто бы для посещения и примирения, после ласкового разговора с ним о разных предметах и политических отношениях, он стал уверять его в постоянном своем к нему расположении и братской любви. В ответ на это, обрадованный лаской князя, старик Шужий сам предложил для утверждения братского союза и верности обета отправиться в Жулат и там, по древнему обычаю, после клятвы в дружбе, переломить надвое стрелу. По изъявлении на это согласия назначен был день отъезда. Между тем хитрый князь Хатожуко, без ведома других, отправился один и, доехав до указанного места, слез с лошади и, помолившись перед Татартупом, произнес обет о неприменном убийстве князя Шужия и в подтверждение своего обязательства, переломив надвое стрелу, положил ее в Татартуп. Затем на другой день он прибыл к этому месту с князем Шужиим; по ложном уверении в дружбе, они обоюдно переломили стрелы и отправились обратно с двумя слугами. По прибытии к левой стороне реки Чегема, Хатожуко, обратясь к Шужию, предложил ему отдохнуть, а прислугу его отправить к аталыку Куденетову для принесения какой-либо закуски и кумыса, а между тем заснуть. Несчастный старик, не подозревая в этих словах никакого умысла, согласился. Как только по отбытии прислуги оба князя легли, и из них Шужий заснул, Хатожуко встал со своим слугой, убил Шужия саблей. И, прикрыв его буркой, отправился в дом Куденетова и объявил ему о смерти его кана, т. е. воспитанника, присовокупив, что, оставшись преемником Шужия, обязывается ему на будущее время заменить его. Затем тело Шужия было предано ими земле на месте убийства и над могилой сделан курган. Оставшаяся жена Шужия, собрав несколько своих воспитанниц, сложила следующую песню :

«Ах, Жанборимас! Ах, Жанборисхан! Куда вас дену для защиты от страшного смертоубийства? Если вас послать в Россию — там не примут, по многочисленности людей. Вас взяли в пещеру ущелья Урди [8], кормили как лошадей или быков; но, откормив, зарезали острыми ножами. После смерти князя из князей ни одного не осталось у меня наследника. Для меня не осталось иного утешения, как только видеть их могилы. Маленьких детей моих не допустили дожить до совершеннолетнего возраста. Едва лишь кто-либо из них достигал его, как был удавливаем. Это разрывает и терзает мое сердце. Вот и дом мой разрушился, подобно старинному Ванедскому дому».

Таким образом, под твердым и благоразумным правлением князя Хатожуко, кончились все смуты и беспорядки между кабардинцами. С помощью братьев своих Жамбота и Мисоста он умел примирить враждующие стороны и соединить разделившихся. Ненавидя вкоренившиеся своеволие и бесчинства, он вынужден был истреблять их строгими мерами. В наказание злых и поощрение добрых, он оставил собой хороший пример для кабардинцев: обиженные и угнетенные находили в нем защиту и правосудие, притеснители же справедливое по заслугам наказание. Он восстановил и утвердил в народе навсегда благоразумные постановления и обряды дяди своего Берслана относительно князей, узденей и холопов. Благосостояние и тишина были повсеместны во владениях князя Хатожуко и названных братьев его. Для сохранения между ними на будущее время спокойствия он с общего согласия народа еще при жизни разделил Большую Кабарду на три части. И вверил каждому брату непосредственную власть и управление над одной частью, состоявшею, по словам некоторых, 50 аулов, из коих каждый заключал в себе до 1000 дворов, но с условием — в общих и важных делах быть всем под управлением одного старшего князя. Впрочем, часть Жаибота простиралась от Чегема или Шолухи [9] до Терека, а Хатожука и Мисоста от реки Шолухи до устья реки Кубани. Таким образом произошли фамилии Хатожукина, Жамбота и Мисоста.

8.3. Разделение Кабарды. Фамилии Хатожуко, Жамбота и Мисоста. Несогласия между князьями Малой Кабарды и князьями Большой Кабарды

Спустя три года или более князь Хатожуко скончался. Дядя его, князь Шогеноко, также умер. Несколько лет спустя умерли князья Жанбот и Мисост. По смерти их остались сыновья: от князя Шогеноко

Алегико, от князя Хатожуко четыре сына: Кургоко, Адилгерий, Мухамет и Смаил; от второго брата Жанбота тоже четыре: Бекмурза, Кайтуко, Али-мурза и Султан-Али; от Мисоста три: Хатожуко, Али и Ислам. От этих кабардинских князей тоже следовали потомки; но, наблюдая завещание отцов своих, они состояли под управлением старшего из них и несколько времени жили мирно. Старики говорят, что в продолжение этого времени калмыки находились в неприязненных отношениях с кабардинцами, делали нападения и препятствовали провозить соль из озер через их степи; это продолжалось до тех пор, пока калмыцкий хан Домбокуньб не испросил себе в супружество дочь князя Хатожуко, после чего калмыки заключили мир и кабардинцы беспрепятственно ездили за солью.

Но спокойствие это продолжалось недолго. Малокабардинский князь Алегико жил не в ладу с молодым князем Имудар-Хафом Жанмурзовичем Татлостановым. Князь Большой Кабарды Бекмурза завел спор с братом своим Кайтуко за наследственное их владение. С нарушением обета братской любви и дружбы возникло между ними неуважение к старшему их брату и пренебрежение к его власти, завещанной их отцами. С другой стороны, корыстолюбивые бифако-орки, т. е. «воспитатели и уздени», старались усиливать их вражду, уговаривая: за гуо зиусхан абье пахари унах мого [10], т. е. «удар и я унесу; разве вы беднее, чем он?» Таким образом, не помышляя об общем благе и забыв минувшие годы, они возобновили везде споры и тем добровольно навлекли на себя и на народ бедствия и подпали под иго иноплемеников, как мы это увидим ниже.

Наконец князь Корошай Шалохович Тотлостанов положил конец гибельным мятежам и стал один владеть Кабардой. При нем один из потомков Чингис-хана занял своими ордами все пространство от Волги до самого Терека и с отборными всадниками вторгнулся к кабардинцам с намерением обратить жителей в магометанство. Кабардинцы встретили его войско и долго оспаривали ему дорогу, но, наконец, принуждены были отступить до Зыепаке (нынешняя Екатериноградская станица). Татары, намереваясь окружить кабардинцев, переправились через Терек в двух местах и подошли к Жулатам; кабардинцы разделились также на две части: Малая Кабарда обязалась защитить Нижний Жулат, по правую сторону реки Терека, а Большая Кабарда — Верхний Жулат, по левую его сторону. Татарские отряды соединились вновь, начали жаркое побоище близ Нижнего Жулата, и, несмотря на помощь приспевшего отряда Большой Кабарды, взяли Жулат. Это и положило конец войне; но веры магометанской никто принять не согласился. Хан со многими улусами поселился недалеко от Жулата, на месте которого выстроены татарами из кирпича мечети и минареты [11], сохранившиеся и донныне.

8.4. Вторжение потомка Чингисхана в пределы кабардинцев. Побоище близ Нижнего Жулата. Кабардинцы изгоняют татар

Много уже лет обитали в нашем соседстве ногайцы Шанбековы и, не изменяя своего образа жизни, кочевали в кибитках и промышляли воровством. Пример соседей подействовал и на наших молодых людей, воспитанных в праздности и любивших всякого рода военные занятия; они, в свою очередь, стали охотно выезжать на грабеж и разбой.

Хотя прошло уже довольно лет по водворении хана Жанбека в новой резиденции, но кабардинцы и горские народы не могли равнодушно смотреть на чужеземных пришельцев, насильственно поселившихся на земле, которую издавна привыкли считать неотъемлемой собственностью и потому весьма часто малыми партиями начали тревожить ногайские кочевья. Наконец, собравшись в большом числе, кабардинцы ночью напали на них, причем одних побили, других взяли в плен, а остальных принудили бежать к Дону. С того времени и ведется татарская пословица: «съели от горца тревогу и разорение». Таким образом, исчезли большие татарские орды. Предание это подтверждается следующей песнью :

«Между Жанхотовыми детьми возникло ужасное соревнование, ко вреду общему; мы строим дома, а вражда их изгоняет нас из жилищ наших. Если б не отсутствовал наш князь Кази, не претерпели бы мы сего ужасного кровопролития и не увидели бы богатых шатров, сооруженных из добычи, у нас похищенной. Много было работы арбам нашим, поставленным для хоронения мертвых, они неутомимо переходили поля, как будто в день богатой жатвы. Шалох в постыдном плену, как худой конь, опутан недоуздом; косога Жанбека посадили на кривую шею (т. е. на верблюда). С первых ударов Свиткул жестоко ранен в локоть, а Ляхуюр лишился руки и тем кончился поединок; в то же время Казибеков отбил себе дивного коня, рыжей масти, со звездочкой на лбу. Татарин Ахкаш, узнав о начатой битве, прилетел к своим с быстротой птицы и ободрил в бою войско, готовое отступить, и подобно орлу бросился вперед. Из

султанбекского лука он много поразил противников, и приятен ему звук оружия, и не хочет он покинуть поле битвы, хотя и крепко его ранил Битак Шарманоков. Лишился Битак отличного своего гнедого коня; но он и Саралп даже пешие не уступают конным и вместе вторглись в укрепления неприятельские. Сел Саралп на осетинского коня и в крови врагов обмыл саблю свою, а Химам Етлухов возвращается с битвы лишь с обломками копья. Озармосу Ячанок покровительствует Ауси-Герге (Иисус Христос). Левая рука силою равняется удару молнии и от размаха шашки не устоит ни один богатырь. Усталый конь его уже лежа щиплет траву. А брат его Темаркан на белом коне останавливает бегущих, угрожая им постыдным колпаком: сам же в битве из толпы врагов выхватывает лучших всадников и перебрасывает к своим. Двинулось многочисленное кинтово (Чингисхана) войско на Тотластоковы аулы, оставив вправо Татартуп (Жулат на Тереке). Да защитит нас Ауси-Герге в день жестокой битвы. Доблестные герои наши стояли твердо с кистенями, а стрельцы наши, спешившись, врезались в середину полчищ неприятельских. Лишились мы прежнего могущества и богатства; при князе Корошае Тотлостанове свободно кочевали с стадами нашими в степях Сотея, а теперь нас теснят все ближе и ближе к чужим. Весело было смотреть на Тотлостанова, разгуливающего на коне боевом в степях безграничных; а теперь степями нашими ногаец Киламат ведет на нас войско татарское. И въехал к нам запросто князь Корошай и оставил он в сражении серого коня своего; он натянул лук свой наподобие колеса, из которого пущенные стрелы пронзали до самых перьев. А раны крепкие ему нипочем, стрела пробилась спину, а он не покидает битвы и убил еще таматараканского князя. Выехал наш Алхусар Сатчасоков и спрашивает: «Где богатырь Санткул?» — и явился к нему желанный противник и оба готовы сразиться».

Глава IX. Под властью крымского хана

9.1. Движение крымского хана с турецким войском в Кабарду. Сражение на Подкумке и Баксане. Истребление кабардинцами крымцев

Крымский хан, известясь, что между умножавшимися кабардинскими князьями, живущими в беспрепятственных раздорах, нет ни одного князя, достойного управлять кабардинцами, послал донесение о том турецкому султану, и султан прислал ему войско. Хан, присоединив к нему и свое собственное, отправился для покорения Кабарды. Войска эти неожиданно прибыли к границам кабардинцев. Последние, услышав о нечаянном нападении неприятеля, собрали несколько тысяч воинов и ожидали приближения его на левом берегу реки Баксана, послав передовой отряд под начальством Альбек Тамбиева для разузнания положения и числа неприятеля. Альбек прибыл к р. Подкумку, остановился и дал знать пятигорским и живущим на Куме кабардинцам о наступлении неприятеля, посоветовав им при этом скрыться в густоте лесов.

После того Альбек ожидал неприятеля на правой стороне Подкумка и часто выезжал на курган проведать, скоро ли прибудет ханское войско. Между тем крымцы расположились для отдыха в пустых жилищах на Куме, истребляя все огнем, и, пробыв там три дня, двинулись вперед: Альбек, узнав обо всем подробно, возвратился к кабардинцам, которые, получив от него нужные сведения, немедленно вышли к ним навстречу. Между тем крымцы уже подошли к Подкумку, где и встретились с ними. В происшедшей битве кабардинцы были сбиты превосходством неприятеля и отступили к Баксану; там вновь завязался жестокий бой, в котором много кабардинцев пало, а остальные покорились. Хан принуждал их принять магометанскую веру, умертвил древних шогенов, палки их разбросал, а книги истребил огнем; некоторые из шогенов скрылись в горах с книгами, где dokonчили жизнь в пещерах. Оставшиеся после них книги найдены полуистлевшими. Войско свое хан расположил по квартирам, в каждый дом по четыре человека, велел кормить и поить их и лошадей, в каждом ауле поставил по одному мулле для обучения народа исламу и взял несколько княжеских детей к себе в аманаты. Сверх того для утверждения своей власти он наложил подать по одной душе с каждого аула, что в год составляло 120 человек. Старики говорят, что крымский хан жил в Кабарде до тех пор, пока собрал подать и затем, оставив на Баксане пашу с войском [1], сам уехал.

На возвратном пути он остановился для наложения дани на пятигорских народов и обращения их в магометанство. Но холоп Машуко уговорил других холопов не давать крымскому хану дани, за что их и начали притеснять. Между тем Машуко, собравши несколько приверженцев, бежал от притеснителей и скрылся в горы; их отыскивали, и когда никакими мерами не могли привести в повиновение, то разгневанный

хан приказал забрать их жен и детей; но потом, по совету узденей, взял с каждого аула по одной душе и в том числе родную сестру зачинщика Машука, которая при этом произнесла: мигазешидльме тлечауше жемуко камами-ши жуе скрагатемь, т. е. «и семь-братьев гор проливали кровь, а мне с Машуком не удалось проститься», и затем продолжала: амадлешибль бир-алик изагомь пулстоно зегазе Машукозаго згабсаун Крымсоком [2], т. е. «от тех мест, где братья семь-гор и Кума протоком бежит и один бир-алек [3] одному Машуко дай бог здоровья, я уже отправилась в Крым»[4].

Бежавшие холопы, скрывавшиеся несколько месяцев в горах, помирились с своими хозяевами, но Машуко ни за что не соглашался на это. Он знал, что сестру его отдали крымскому хану, не хотел им простить этого, жег ночью дома, воровал пищу и одежду, нанося им всевозможный вред. Он ездил за грабежом всегда по одной и той же тропинке и раз, выехавши из лесу, был убит скрытыми для этого в засаде людьми. С тех пор и донныне гора, на которой он скрывался, называется Машуко [5], а тропинка — Абрек Чекео [6], т. е. «тропинка беглецов».

Взгляните на гордость и торжество наше, смотрите, как адыхе выступают с добычей и подарками. Их можно уподобить богатой прибыли, приобретенной старательным купцом от своего товара».

Уже несколько лет крымское войско находилось в Кабарде, собирая ежегодно вышеозначенную подать; некоторые приняли ислам, тогда как другие, боясь притеснения турок, тайно исповедовали свою веру, что и продолжалось несколько лет. Старики говорят, что Крымское войско стояло в Кабарде семь лет, некоторые утверждают, что вдвое. Наконец возмужали кабардинские князья; старшинство между ними принадлежало князю Кургоко Хатожукову, распорядившемуся всеми: делами народа. Между тем пронесся слух, что крымский паша, стоявший с войском в бесленеевских владениях, по подозрению в связях с женой князя Заурбека этим последним был убит и что Заурбек, боясь преследования, бежал за Кубань. Слух об этом дошел до крымского хана, и он прислал войско, с повелением принудить бесленеевцев выдать Заурбека, в случае же сопротивления — всех их истребить. Необходимость заставила бесленеевцев отыскать Заурбека. Они послали к нему аталыка его, и тот посредством ложных обещаний прощения и примирения с ханом уговорил Заурбека возвратиться. Одни говорят, что Заурбек был повешен; другие же, что он был взят к хану. С этого времени кабардинцы начали переносить самые жестокие притеснения от крымцев [7].

Года два или три спустя случилось, что живший в Большой Кабарде с войском крымский паша, сидя на траве и куря трубку, беседовал с своими приближенными, в числе коих был и князь Кургоко Хатожуков. Обращение его с последним было до того дерзко, что выкуривши трубку, он стал ее выбивать об голову князя Кургоко. Поступок этот сильно огорчил князя, однако же он не подал паше ни малейшего вида неудовольствия; но, простившись с ним, он в тот же день собрал многих князей и почетных узденей и, рассказав им о случившемся, объявил им свое намерение: в следующую ночь умертвить всех турок и крымцев, где бы они ни находились. Не исполнившим сего повеления назначен был значительный штраф и сверх того в знак трусости черный шерстяной колпак. Все единодушно согласились на предложение Кургоко и в следующую же ночь привели его в исполнение, причем ни одного неприятеля не осталось в живых.

На следующий год посланные крымским ханом для собрания податей, узнав на половине пути об этом происшествии, поспешили возвращением для донесения о том хану. Разгневанный хан, в свою очередь, уведомил султана, который спустя два или три года прислал хану многочисленное войско под начальством Алегот-паши, к которому присоединивши свое войско со многими муллами, эфендиями, хаджи и с припасами, отправился на поражение кабардинцев, строя при этом в некоторых местах мечети и крепости.

Достигнув Черным морем земли закубанцев, он успел многих обратить к исламу и основать в их земле крепость и мечеть, назвав ее Хаджи-кале. Развалины этой крепости сохранились и до настоящего времени; место это называется Хаджи-тагой, или «длина хаджи».

Глава X. Нашествие крымского хана на Кабарду. Сношения с Россией

10.1. Нашествие крымского хана на Кабарду. Поражение крымцев. Новое нашествие хана и вторичное поражение его на р. Гунделене. Эпидемия.

По прошествии некоторого времени крымский хан с войском подступил к границам кабардинским. Предупрежденные еще во время прибытия хана за Кубань, кабардинцы все свое имущество, жен и детей отправили в горы и сами ожидали приближения неприятеля в ущелье Урда. Хан, узнав об этом, изменил путь и расположился лагерем на бугре Канжала [1].

В тот же день пришел в кабардинский стан Халелий, лазутчик из татар, живший прежде у князя Кургоко. Он уведомил князя подробно о намерении хана, упомянув при этом, что если кабардинцы в следующую же ночь не нападут на крымцев, то в другую или третью ночь на них самих непременно будет сделано нападение. Кургоко тотчас же велел собрать около 300 ослов и к каждому привязать по две вязанки сена. Наступила ночь, он отправился на неприятеля и, приблизившись к нему, велел у всех ослов зажечь сено и гнать их на неприятельский лагерь, с несколькими выстрелами. Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятеля, что он в беспамятстве и смятении стал рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу. Толстый паша Алегот в бегстве упал со скалы, на половине которой, зацепившись за дерево, повис и кончил жизнь в таком положении. Место это называется теперь Алегот гум и Шухупа [2], т. е. «Алеготова скала». В этом сражении убито было несколько крымских ханов. Прогнав остальных крымцев к Куме, кабардинцы возвратились в свои пределы.

неприятельское войско отступило к Хаджи-кале. Уведомленный обо всем этом, султан снова прислал войско, к которому присоединились много татар и некоторые закубанские изменники, и все это полчище вторично пошло на кабардинцев, ожидавших неприятеля на реке Гунделене. В происшедшем кровопролитии крымцы были опрокинуты, и кабардинцы не переставали их преследовать до Кубани, а оттуда возвратились восвояси. Между тем изнуренный неприятель расположился лагерем в долине Ладжимагай, не имея с кабардинцами более никакого дела. Распространившаяся через несколько лет заразительная болезнь многих из них истребила и только незначительная часть возвратилась в отечество. С тех пор прекратились и все делавшиеся кабардинцам притеснения.

Через несколько лет князь Алегиго Шогеноков, продолжавший жить с князьями Тотлостановыми и народом в беспрестанном несогласии, наконец бежал в Дагестан, а оттуда к калмыкам; скитаясь и между другими племенами, он часто приводил в Малую Кабарду войско, собранное из разных племен, не переставая разорять жителей, но вынужденный, наконец, помириться, обходился с кабардинцами весьма дерзко и ненавидел своих братьев. Привязавши к себе народ, он сделался врагом князей Большой Кабарды. Это произошло следующим образом: один табунщик, по имени Адешем, стоя на кургане, хотел убить змею, вползшую в ямочку; от скуки он начал рыть землю, но, не докопавшись до змеи, вырыл блестящий и богатейший панцирь с золотыми гвоздиками. Надевши его на себя, он пошел к хозяину своему Тузарову. По дороге он зашел к жившему на половине пути узденю Коготлуко, у которого был пир. Коготлуко, увидав на нем панцирь, напоил его и подменил панцирь, надевши на Адешема другой, простой. Адешем, возвратившись домой, хотел отдать хозяину своему панцирь, но, к сожалению, увидел, что на нем надет совсем не тот, который он выкопал. Между тем хозяин, узнав обо всем этом, решился возвратить себе дорогой панцирь, а через два или три года всем стало известно, что найденный Адешемом панцирь был подменен узденем Коготлуком. Корыстолюбивые князья, каждый про себя, старались достать себе этот панцирь, более же всех желал владеть им князь Шогеноков. Между тем Коготлуко, видя все эти беспокойства и несогласия, возвратил панцирь его настоящему хозяину, но Алегиго во что бы то ни стало решился приобрести его себе.

Рассерженный несогласием Тузарова, он вознамерился отнять дорогую вещь силой. Три раза он нападал и, истребив всю фамилию Тузаровых, исключая жен и детей, не успел, однако же, овладеть панцирем. Одна из жен, по имени Маната, надела его на себя и явилась к родственникам своим в Большую Кабарду. Алегиго же отправился в Крым просить у хана войско для разорения кабардинцев; хан отказал в этом, но подарил ему богатый панцирь, велел, впрочем, ногайцам оказать ему, в случае надобности, помощь. На обратном пути Алегиго собрал несколько татар и разорил часть Малой Кабарды. Кабардинцы за это вступили с ним в бой, и Алегиго, получив две раны, наконец помирился и вскоре умер. После него сложена следующая песня:

«Между двумя кабардинскими князьями произошло несогласие и от княжеских споров узденя беспокоют»,— и проч.

Алегиго оставил четырех сыновей: Генко, Тембота, Темстлостана и Карекане, а власть осталась за князем Мударафа Тотлостановым. Возмужавшие сыновья Алегиго наследовали характер отца; они

беспрестанно враждовали между собой и с прочими князьями, следствием чего были братоубийства. Наконец, князь Мударафа, желая прекратить все несогласия, уговорил князей Большой Кабарды истребить фамилию князей Шогеноковых, т. е. сыновей князя Алегики, с условием разделить между собой их имущество. Князья согласились, и Шогеноковы были истреблены, некоторые тайно, а другие явно, так что поколение Шогеноковых прекратилось и ныне уже не существует. Два года позже того истреблены были все уздени Кодз, и могила их названа Кодзыкха. Нынешние кабардинские князья ведут свой род от поколения Кодзы, а малокабардинские от Тотлостана.

Кургоко оставил двух сыновей: Мугамета и Тша; старшинство же перешло к Бекмурзе и Кайтуку. Однако же несогласия за право владеть между ними не прекращалось, и народ, во избежание новых кровопролитий, разделил оставшееся после отца их наследство на две равные части, а князья выделили им несколько из своих владений; к тому прибавили имение Шогеноковых, и с того времени они начали владеть порознь, каждый своей частью. Бекмурза, ненавидя Кайтука без всякой причины, через несколько лет отправился к крымскому хану с намерением испросить войско для покорения Кайтуки, будто бы в отмщение за обиду. Он пробыл там более трех лет; хан обещал свою помощь, но Кайтуку тем временем умер, оставив трех сыновей: Асламбека, Аламета и Жамболата. Бекмурза, возвратившись с подарками на родину, владел несколько времени и наконец тоже скончался, оставив шесть сыновей: Татархана, Темболата, Кайсыра, Патаго, Ельмурза и Безруко.

10.2. Нашествие крымского хана на Кабарду. Поражение крымцев. Новое нашествие хана и вторичное поражение его на р. Гунделене. Эпидемия.

После Бекмурзы владели князья Асламбек и Хатожуко. Оба князя жили в согласии и всегда старались о благосостоянии народа, который в свою очередь любил их. Асламбек всегда руководил советами уздения Жебока [3] Казаноква, человека благоразумного. Обряды и отцовские постаовления были утверждены, и кабардинцы приобрели уважение всех соседей. Асламбек принудил к подати осетин, ингушей и проч., находившихся в повиновении. После Асламбека управлял народом один Хатажуко Мисостов; он абзинцеви карачаевцев [4]. Часть народа была магометанской веры, которую приняла Хатожукина фамилия. Один из членов этого дома, Темрюко, путешествовал в Мекку для поклонения; брат же его Адиль-Гирей, обучавшийся арабскому и татарскому [5] языкам, стал обращать народ к исламу, поставил мулл и построил мечети.

Старики рассказывают, что во время похода императора Петра I в Дагестан князь Давлет - Гирей Бекмурзин [6] с некоторыми кабардинцами ездил в Астрахань и назначен послом в Бухаретию и там неизвестно, по какому случаю убит. Говорят, бухарцы содрали с него кожу. Узденей же государь отпустил со многими дарами.

От князя Мударафа и второй жены его из низшего класса народа (говорят, что ногайского племени) родился князь Хайдемирхан. Достигнув совершеннолетия, он участвовал в похождениях Берслана, но потом, возвратившись, склонил на свою сторону мног людей, с коими опустошал соседние племена и даже грабил своих кабардинцев. Такими поступками он вскоре стал всем известен, находился постоянно в бегах у иноплеменников, и кабардинцы, опасаясь от него еще большего вреда, обманом успели вызвать его в Кабарду.

10.3. Трактат России с Портою. Разбитие кабардинцев русскими на Куме и на Малке. Посольство Жанхота Мисостова и Кургоко Татарханова в Петербург. Шариат. Кабардинцы отправляют к императору Александру I депутацию.

Старшие кабардинские князья и уздени, по всегдашней преданности предков их к российскому престолу, ни за что не желали препятствовать намерениям России при заселении Линии, но даже хотели способствовать всем ее предприятиям. Между тем большинство князей, по заключении последнего между Россией и Портою в 1739 году трактата, по которому условлено было оставить кабардинцев свободными, молодые князья, узнав, что всякое предприятие противу них зависит от взаимного примирения обеих держав, предположили, что русские при заселении Линии стеснят их вольность и свободу, и начали оказывать сопротивление посланным императрицей Екатериной II войскам; но после двух потерянных

сражений на Куме и на Малке они убедились, что всякое сопротивление будет тщетно, а потому покорились и признали над собой власть России.

Вскоре после того кабардинцы, для выражения подданнических чувств, отправили в Петербург к императрице князей Жанхота Мисостова и Кургоко Татарханова, с просьбой об уничтожении Моздока и возвращении бежавших туда от кабардинских владельцев холопов, а также о свободном владении своими землями. На этот конец Екатерина II пожалованной грамотой 17 августа 1771 года даровала кабардинскому народу многие преимущества.

Вышеупомянутый Адиль-Гирей Хатожукин с эфендием Исхаком Абуковым ввел между кабардинским народом шариат, по которому преступники, все без изъятия, по степени важности преступления, подвергались смертной казни и телесному наказанию. Наказания эти определялись: за воровство не более рубля серебром — лишение левой руки; свыше рубля до 100 руб. ассигнациями — отрубление правой руки и левор ноги; за развратное поведение — смертная казнь. Убийцы предавались также смертной казни. Все претензии, касающиеся до имущества и личных прав каждого, разбирались шариатом, а дела между князьями и узденей с холопами решались по обычаям. Установление этого положения принесло большую пользу народу; каждый боялся совершить что-либо противозаконное.

Разработчики Интернет-версии книги Шоры Бекмурзовича Ногмова
"История адыгейского народа"

Руководитель проекта - доцент кафедры информатики и МОАС Кабардино-Балкарского
госуниверситета Лейла Залим-Гериевна Шауцукова,
e-mail: shau@kbsu.ru

Web-дизайн - студентки 3 курса отделения Прикладной математики Залина и Сюзанна Герговы
e-mail: Syuzanna_Gergova@mail.ru